

Алина Чинючина

Сказка о принце

Книга первая

Алина Равилевна Чинючина

Сказка о принце. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27615048

SelfPub; 2017

Аннотация

Благородный принц и влюбленная в него Золушка – прекрасная сказка. Но что будет, если она выйдет за стены дворца в реальную жизнь? Останется ли принц таким же благородным, столкнувшись с подлостью и обманом? Сможет ли Золушка выстоять и пронести свою любовь через испытания? Принц Патрик и фрейлина Иветта волею судьбы оказались в центре придворного заговора. Выстоят ли они, сохранят ли себя и свои чувства? Смогут ли остаться в живых?

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Часть первая

Золотая молодежь

Королевский дворец стоял на высоком холме, и окружавший его огромный парк спускался зеленым полотном до самой реки. Белые стены отражали солнечные лучи; под роскошными старыми дубами и вязами, у мраморных фонтанов еще царила прохлада, но на широких лужайках уже чувствовалось дыхание жаркого Юга во всем его великолепии начала мая.

Пять девушек с хохотом гнались за высоким золотоволосым юношей в серо-голубом охотничьем костюме. Пышные юбки колыхались от быстрого бега, позволяя видеть стройные ножки в шелковых чулках. Оглянувшись, юноша запнулся – и с воплем свалился в траву. Да так и остался лежать – хорошенькая, совсем юная девушка с голубой лентой в светлых волосах кинулась на него с визгом и придавила к земле:

– Попался, братик!

– Попался, – смеясь, отбивался юноша. – Попался, согласен, сдаюсь. Отпусти, Изабель!

– Так ему, ваше высочество! – закричали подбежавшие девушки. – За то, что гонял нас все утро!

Изабель, смеясь, отпустила брата, вскочила, перевела дух, отряхнула светлое платье. Невысокая, пухленькая, с еще не сложившейся фигуркой и детскими ямочками на щечках, она была хороша в этот момент, как все это свежее майское утро. Брат гибким движением поднялся на ноги и чмокнул ее в щеку.

– Молодец! Орден тебе за храбрость!

С притворно сердитым видом Изабель поправила на нем отделанный кружевом воротник, вынула травинки из светлых волос:

– Патрик, тебе завтра двадцать лет, а ты все как маленький. Посмотри, на кого похож! Наклонись-ка!

Высокий Патрик покорно опустил на одно колено перед маленькой сестрой, и она, вытащив гребень из мешочка у пояса, принялась приглаживать его спутанные золотистые пряди, отряхивать расшитый серебром камзол, хмуря бровки и ворча. Брат сначала терпел – а потом вскочил, подхватил ее на руки и, не обращая внимания на визг, закружил и осторожно уронил в траву. Тут же, хохоча, ухватил в охапку другую девушку – высокую, красивую, черноволосую. Остальные с криками разбежались.

Трое юношей в тени старого дуба, улыбаясь, наблюдали за ними.

– Его высочество сегодня разошелся вовсю, – с легким неодобрением заметил один – плотный, широкоплечий, с темными волосами и хмурыми темными глазами на скула-

стом лице. – Как бес в него вселился...

– Последний день, – пожал плечами другой – тонкий, изящный синеглазый красавец. – Завтра ему будет не до забав, Ян, вы и сами знаете.

– Можно подумать, Кристиан, совершеннолетие – это что-то вроде отправки на каторгу, – хмыкнул темноглазый Ян.

– Полно вам, – вступился третий – добродушный, круглолицый увалень. – И так весь последний год его высочество работал как...

– Как раб на галерах, – хихикнул красавец Кристиан.

– Уж эти мне ваши сравнения, – поморщился увалень.

– Марк, а почему бы и нет? – заметил Кристиан. – Помните, когда в последний раз мы были с ним вместе на охоте?

– Зимой, если мне не изменяет память, – кивнул добродушный Марк.

– Вот именно. А уроки танцев? Принцесса Изабель уже, кажется, ищет себе кавалера на замену. Да и вам ли не знать, виконт, – обратился Кристиан к Яну, – как нагрузил принца Его Величество...

– Да полно, господа, я шучу, – примирительно откликнулся Ян. – Не слишком много забот прибавится у его высочества – он и сейчас работает в полную силу. Авторитетно заявляю, что не так уж много Патрик бездельничает...

– Да, Ян, – Кристиан хлопнул его по плечу, – ведь бездельничаете вы вместе...

– ... а трудитесь порознь, – захохотал Марк и увернулся

от тычка под ребра.

– Кстати, господа, – спросил Ян, – видели ли вы ее высочество принцессу Эвелину Залесскую?

– Видели, – оживились юноши. – Ее высочество изволили прибыть еще вчера вечером. Кристиан, не вы ли говорили, что...

– Да вот же она! – воскликнул Кристиан – и склонился в поклоне перед неторопливо сходявшей со ступеней дворца ослепительно красивой, черноволосой и белокожей девушкой.

Царственным кивком отвечая на поклоны и реверансы всех присутствующих, принцесса Эвелина прошествовала мимо, шелестя роскошным темно-алым платьем с лиловой отделкой. Ища глазами принца, она несколько раз в нетерпении раскрыла и сложила веер из красного шелка, украшенный страусиными перьями, – и тут Патрик и Изабель, хохоча, вылетели из-за раскидистого дуба прямо на нее и, едва удерживаясь на развороте, чуть не сбили красавицу с ног.

– Ай, – взвизгнула Изабель – и осеклась под строгим взглядом принцессы.

– Ох, ваше высочество, простите, ради Бога, – Патрик, все еще смеясь, подхватил Эвелину под руку, помогая удержаться на ногах. – Мы не хотели, честное слово...

Эвелина нахмурилась было, но внезапно смягчилась. Глаза ее, устремленные на принца, потеплели, хотя извинений маленькой Изабель она словно не заметила.

Во всей этой шумной компании не участвовала в веселье лишь одна – худенькая, невысокая девушка, похожая на личичку остреньким личиком и угловатой фигуркой. Чинно, как и полагается фрейлине, она сидела на мраморной скамье неподалеку, рассеянно покачивая маленькой ногой в зеленой туфельке и грустно улыбаясь. Зеленовато-карие глаза ее, не отрываясь, следили за принцем и Эвелиной. Задумавшись, девушка не заметила подходящей к ней Изабель и вздрогнула, когда та опустилась на скамью рядом.

– Вы опять грустите, Вета? – шепотом спросила маленькая принцесса.

Девушка исподлобья взглянула на нее, кивнула – и вздохнула прерывисто, как после долгих слез.

– Сказать по совести, – шепотом проговорила Изабель, доверительно наклоняясь к уху собеседницы, – мне эта Эвелина страшно не понравилась. Она вся какая-то...

Тут Изабель скорчила гримасу и высоко вскинула вздернутый носик. И так похожа она вдруг стала на Эвелину, так забавно-узнаваемо проступила маска надменности на ее миллом личике, что Вета прыснула в ладони и поспешно отвернулась. Изабель звонко расхохоталась – но тут же потупилась под искоса брошенным на нее укоризненным взглядом брата.

С появлением красавицы Эвелины веселье в парке словно заморозили. Смех и веселые выкрики сменились чинными, учтивыми речами, ленточки в растрепавшихся волосах

девушек мгновенно вернулись на свои места, пышные юбки шелестели тихо и неторопливо, как то положено правилами хорошего тона. И только принц словно не замечал, что воротник его костюма все еще сбился набок, а в растрепанных золотых волосах так и остались несколько запутавшихся травинок, – он учтиво предложил руку своей даме и, улыбаясь, повел ее к изящной, белоколонной беседке в глубине сада.

– Да уж, ее высочество возьмет принца в оборот, – добродушно усмехнулся Марк. – У нее не побегаешь...

Внезапный порыв ветра пригнул верхушки деревьев, рванул ленты из причесок девушек, вызвав бурю возмущения, и хлопнул открытой оконной рамой где-то на верхних этажах дворца. В одно из высоких, стрельчатых окон выглянула рыжебородая голова; только сеточка морщин вокруг серых глаз на моложавом лице и начинающаяся лысина выдавали возраст.

Его Величество король Карл Третий Дюваль оглядел веселящуюся молодежь и вздохнул едва слышно. Затем прикрыл створы – и обернулся вглубь.

В большой, изящно и строго обставленной комнате негромко переговаривались несколько человек, разных по возрасту и по сложению, отличающихся пышностью одежд. Общим было одно – серебряная нашивка на рукаве, означавшая должность учителей их наследных высочеств. Комната именовалась Малой Залой – в ней нередко проходили рабо-

чие заседания Государственного Совета, в отличие от торжественных, предполагавших большую пышность. Сегодняшний совет, несмотря на свою скромность, тоже имел статус государственного, хотя впрямую никто не объявлял об этом.

Королю Карлу Третьему Дювалю недавно исполнилось сорок девять лет. Высокий и когда-то стройный, а теперь изрядно погрузневший, он, тем не менее, казался моложе своих лет – отчасти из-за сияния золотисто-рыжей бороды и шевелюры (когда-то пышной, а теперь прореженной временем), отчасти из-за размашистых, стремительных движений, которые, впрочем, уже не всегда бывали стремительными. Эту порывистость унаследовали все его дети. Правда, в последнее время король больше предпочитал сидеть, чем стоять, и на коня уже не взлетал, хотя и не вползал, как многие из его вельмож. Как сам он любил про себя говаривать, «есть еще стрелы в нашем колчане», но в последние месяцы в глухие часы предрасветной бессонницы частыми гостями в его покоях стали дворцовые лекари.

Карл, как ни странно, был из тех королей, про кого говорят «от добра добра не ищут». В меру жестокий, но не тиран, в меру добрый но не святой, в меру справедливый, но не обожаемый народом, а так – середина на половину. За годы его правления на страну не свалилось ни одного большого народного бунта, неурожаи были в меру, и урожаи давали запасов тоже в меру. Соседи порой грозились – но до открытой войны дело все-таки не дошло, а потому и финансы не

претерпели серьезных потерь. Равно открывались и закрывались театры и тюрьмы, налоги не обрекали народ на голодный вой на пустом подворье, но кормили многочисленных чиновников. Чиновники имели возможность подворовывать – но не чрезмерно. При короле не было сделано ни одного сколько-нибудь серьезного научного или географического открытия, но университет, открытый его предшественником, Его Величеством Карлом Вторым, не закрылся, а продолжал существовать, исправно поставляя свою долю беззаботных голодных студентов в столичный котел... Род Дювалей правил страной почти пять сотен лет, и право их на власть ни разу не было оспорено.

Ветерок, влетающий в полуоткрытое окно, шевелил кремовые с розовым занавеси, пускал солнечные зайчики по стенам, начищенным изящным подсвечникам, цветам, в изобилии украшавшим большую и строгую комнату. Цветы были страстью «маленькой принцессы» Изабель; дворцовая оранжерея, зимний сад, комнаты – все цвело и благоухало круглый год. Несмотря на недовольство королевы – не по чину, мол, занятие. Строгие, с изящными резными спинками стулья были отодвинуты от большого стола с мраморной столешницей, но пустовали. Присутствующие послушно и невозмутимо ждали, пока Его Величество изволит уже насмотреться в окно и почтить их своим вниманием. Его Величество нетерпеливо барабанил пальцами по широкому подоконнику.

Наконец, Карл обвел взглядом собравшихся и сел.

– Что ж, господа, – сказал он, – не будем тянуть время. Вы знаете, зачем я вас собрал...

Все закивали, усаживаясь.

– Не в первый раз, – улыбаясь, заметил лорд Лестин.

– И надеюсь, не в последний, – согласился король. – Завтра у нас праздник, а пока...

Гул голосов мгновенно смолк.

– Начнем. Итак, я хотел бы знать, господа, что сейчас представляет собой мой сын. Наследный, – он подчеркнул это слово, – принц.

На мгновение в комнате стало совсем тихо.

– Кто начнет? – спросил король. – Нет, Лестин, вас я попрошу высказаться последним, вы наставник, кому же лучше знать его высочество, как не вам... Мессир Сьерди?

– Извольте, сир, – заворочался в широком кресле маленький и юркий, как колобок, мессир Сьерди. – Языки, литература, искусство. Сразу скажу – у меня претензий к его высочеству нет. Более того, я очень им доволен. Ваше Величество, да вы и сами могли видеть в последний раз, когда у нас гостил король Залесский – им не требовался переводчик... А вообще – пять языков, притом с неплохим произношением, притом практически свободно, с хорошим словарным запасом. Какой-то лучше, какой-то хуже, разумеется, но в целом... Да, и еще – сир, вы, надеюсь, в курсе, что переводы любовной лирики мессира Альгарри, которые ходят по сто-

лице, принадлежат перу принца?

– Не слышал, но весьма рад этому обстоятельству, – сказал король. – Что ж, ясно. Дальше. Бовэ?

– Да, Ваше Величество, – привстал смуглый, черноволосый мессир Бовэ. – Астрономия, математика, основы естественных наук. Я бы не стал выражаться так восторженно, сир, как мессир Сьерди, но серьезных оснований для недовольства у меня нет. Принц, скажем так, имеет некоторые познания в моей области. Но... но душу он не вкладывает в мою науку, увы. Это не его склонность, совершенно очевидно. При любом удобном случае его высочество променяет мои занятия...

– ... на охоту или фехтовальный зал, – усмехнулся король. – Знаю. Знакомо.

По комнате раскатился смех. Король, улыбаясь, погладил бороду. В свои двадцать лет он намного охотнее удирает на охоту, нежели проводил время в библиотеке, и это весьма тревожило его матушку, ныне покойную королеву Эльзу.

– Дозволено ли будет мне вставить свое слово? – спросил статный красавец Эжер. Король кивнул. – Лучшего ученика я не желал бы, Ваше Величество. Да вы и сами знаете – на осеннем турнире меч победителя достался его высочеству. При том, что бойцы выходили на арену инкогнито, дабы не проигрывать друг другу по соображениям этикета. С уверенностью могу утверждать, что сейчас принц является первым клинком если не всего королевства, то уж Западного Преде-

ла – с гарантией. Кстати, второй клинок – тоже наш, – задумчиво сказал он, – это сын графа Дейка, но не суть важно... О чем я, собственно. Да, и не менее искусен принц в верховой езде и стрельбе. Танцует великолепно, вы сами видели, сэр Гэлон и наши дамы, – Эжер улыбнулся, – его высочеством очень довольны. Ну, про охоту говорить не стану, вы сами все знаете, сир...

– Хорошо, – довольным голосом сказал король. – Дальше. Марч?

– Охотно, Ваше Величество, – гулко пробасил из угла лорд Марч, грузный, седой толстяк. – История, генеалогия, дипломатия, военное дело. В принципе, я очень доволен принцем в изучении истории и генеалогии. Но вот дипломатия... и ведь что самое обидное, – воскликнул он, – его высочество прекрасно разбирается в, так сказать, предмете. Но почему же он на практике свои знания не применяет? Ведь совершенно же не желает ни управлять людьми, ни подчинять их себе...

– Поддерживаю полностью и безмерно огорчен, – буркнул лорд Лестин. Воспитатель наследного принца, он имел право вступать в разговор с королем. – Ваше Величество, я...

– Погодите, Лестин, – остановил его король. – Погодите, вам говорить последним. Продолжайте, Марч...

– Да, собственно, продолжать-то и нечего. Такое впечатление, что принц вырос не на земле грешной, а в каком-то раю, что ли... где все идеально, все по справедливости. А так

ведь не бывает. И невозможно срубить дерева, чтобы щепки не полетели, и нельзя лужу перейти, сапог не испачкав. А он... – Марч помрачнел, – его высочество то есть... то ли не понимает, то ли не хочет понимать...

– Ясно, – буркнул Карл. – Дальше.

– Моя очередь, – вздохнул совершенно лысый мессир Теодор, вертя в руках перо. – Законы, право, экономика, государственное устройство. Сир, я даже не знаю, что сказать. С одной стороны, как и говорил лорд Марч, – поклон в сторону, – его высочество в предмете разбирается. С другой – я уже устал от него отбиваться. И то ему не так, и это не этак. Принц прекрасно осведомлен, какой сложной у нас является государственная машина, и при всем при том горит желанием – не побоюсь этого выражения – изменить все во благо государства. А то, что благо это каждый понимает по-своему, и уж тем более, насколько все завязано... ох. Ей-Богу, у меня иногда возникает ощущение, что передо мной не наследный принц, а... не знаю, – он замялся, – студент какой-то... вольнодумный.

– Да молод еще, – проворчал Марч. – Молод, вот и горит стремлением мир изменить. Что мы, все в этом возрасте были...

– Все или не все, – возразил ему Теодор, – но его высочество не имеет права на такие заблуждения. Ошибки правителей слишком дорого обходятся государству...

– Да-а-а-а, – протянул король. – Что ж, ладно. Ну, Лестин,

теперь вы. С вами Патрик более откровенен и открыт, чем с остальными, вы проводите с ним больше времени. Что вы скажете о принце?

– Я могу сказать, сир, – медленно, взвешивая слова, заговорил коренастый, седобородый лорд Лестин, – что мой воспитанник прежде всего человек, со всеми человеческими слабостями и недостатками. И нельзя об этом забывать. Более того, принц еще действительно очень молод, и большинство его заблуждений свойственны юности, это, так сказать, проходящее...

– Надеюсь, – обронил словно про себя Марч.

– Я в этом уверен. Если говорить объективно, как воспитателю, как наставнику наследного принца, то, разумеется, многие претензии, высказанные здесь, не лишены оснований. Его высочество действительно несдержан, пылок... вспыльчив, я бы сказал, скор в речах и поступках, мечтает переделать мир и превратить его в идеальный, – Лестин усмехнулся. – Не принимает полутонов – либо белое, либо черное, и никакой середины. Презирает ложь, предательство и подлость... но я не скажу, что это плохо, вот в чем дело.

– Не забывайте, что принципы короля и обывателя совершенно различны, – заметил кто-то.

– Да, – согласился Лестин. – Но, положа руку на сердце, разве честь и порядочность уже являются мусором, который валяется на дороге? Разве короли не должны держать слово? А все это Патрик умеет, будьте уверены. Он никогда – ни-

когда, подчеркиваю! – не оставит своих обещаний невыполненными. Он держит слово, кому бы его ни дал. Он презирает лжецов... и, насколько я помню, сам во лжи замечен не был, даже в убыток себе. Он умеет дружить, сир, поглядите на нашу молодежь, они же за него в огонь и в воду пойдут... и не только дамы, – улыбнулся он. – И, как я понимаю, принц умеет любить...

– Вот только не надо про любовь к фрейлинам, – поморщился король. – Или, тем более, к...

– Сир, но вы же понимаете, что это всего лишь физиология? – улыбнулся Лестин. – Его высочество – нормальный, здоровый молодой мужчина, уже не мальчик, со всеми следующими отсюда... в конце концов, это была не моя идея, – тактично напомнил он. – А в Эвелину Залесскую Патрик, по всему, влюблен, и посмотрите – с каким достоинством он...

– Хватит, хватит петь дифирамбы, – усмехнулся король.

– Да я еще не начинал, Ваше Величество! Я забыл сказать, что наследный принц еще и добрый, ко всему, и открытый, и смелый... Честное слово, если бы это был мой сын, я гордился бы тем, что воспитал его – таким... – закончил он.

Король задумчиво побарабанил пальцами по столу и попросил:

– Лестин, переверните медаль...

– Извольте, сир. Обратная сторона такова, – он вздохнул. – Вспыльчив. Несдержан в поступках и речах. Дерзок, и не только с теми, с кем позволяет положение. Совершенно не

желает – заметьте, не способен, а именно не желает! – идти на компромисс. Не отступает от принципов даже там, где это необходимо. Памятлив... я бы не сказал – злопамятен, но не склонен прощать – особенно в тех вещах, которые для него субъективно важны. Очень часто поступает, не заботясь о последствиях. Говорит то, что думает, и не всегда тогда, когда это нужно, чаще наоборот... да вспомните недавний скандал в Государственном Совете! Черное – белое, белое – черное, и никаких полутонов, либо враг, либо друг, но никак не союзник. Согласитесь, сир, это не те качества, которые нужны настоящему королю, – Лестин поклонился.

Король помолчал. Притихли и все остальные.

– Что ж... благодарю вас, господа. Ваши наблюдения и оценки вполне согласуются с моими, и приятно осознавать, что собственного сына я все-таки знаю и, смею надеяться, понимаю. Если вам больше нечего добавить к сказанному...

– Прошу прощения, сир, – поклонился Эжер, – у меня вопрос, но касательно не его высочества, а вашей дочери.

– Дочери? – удивился король. – У вас?

– Да, ваше величество. Принцесса Изабель выразила желание обучаться моей науке. Смею ли я надеяться, что вы дадите разрешение?

– Изабель? – приподнял брови Карл. – Зачем ей фехтование? Верховой езды будет вполне достаточно, Эжер, можете сказать принцессе, что я запретил.

– Как вам будет угодно, сир...

С грохотом сдвинулись стулья, кабинет загудел от шума голосов.

– Лестин, останьтесь, – попросил король, не двигаясь с места.

Несколько минут они сидели в тишине. Сонная весенняя муха звучно билась о стекло, не замечая открытой створки рядом, пока король не встал и не распахнул окно настежь.

– Душно как, – вздохнул он, снова садясь. – Что ж, Лестин... у меня к вам разговор... который должен остаться между нами, кто бы ни интересовался им. Понимаете?

– Я к услугам вашего величества, – поклонился лорд.

– Я хочу задать вам вопрос, Лестин. Странный, быть может...

Карл помолчал.

– Как вы считаете, способен ли мой сын стать настоящим правителем?

– Вопрос требует честного ответа? – тихо уточнил Лестин.

– Разумеется, – нахмурился король.

Лорд помолчал.

– Я отвечу, ваше величество. – Он твердо взглянул в глаза королю. – Я считаю – да, сможет.

Карл шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла.

– При всех его недостатках, – продолжал Лестин, – Патрик умен и умеет держать слово. И такие понятия, как честь и долг, для него не пустой звук. А для правителя это очень важно. Со временем он станет более реально относиться к

жизни, романтические идеалы юности уступят место трезвому разуму. Я уверен, что это произойдет, его высочество слишком умен для того, чтобы всю жизнь носить розовые очки.

– Я ведь могу и не дожить... – грустно сказал король в пространство. И потер левую сторону груди. – Могу ведь и не успеть, вот в чем дело...

– Что-то случилось, сир? – быстро спросил Лестин, и в голосе его плеснулась неподдельная тревога.

Карл грустно усмехнулся.

– Это рано или поздно все равно случится. Старость, Лестин, старость. Сегодня утром я понял, что мой сын вырос. А я уже давно не тот пылкий юнец, каким был когда-то. Да что я тебе говорю – ты же сам все помнишь, старый друг... Это грустно – понимать, что твое время уходит...

– Ваше величество, – улыбнулся Лестин, – вам ли говорить о возрасте! В ваши годы рано думать о покое, и вы...

– Не в том дело, что я, – перебил король. – А в том, чтобы Патрик успел, понимаешь? Успел вырасти, набраться сил, обзавестись сторонниками и союзниками. Все, о чем мы говорили сегодня, я сам прекрасно знаю. И знаю, что большинство из этих проблем преходящи. Но нет у нас времени, Лестин, нет, потому что нет никакой гарантии, что я проживу достаточно долго, чтобы... – он шумно вздохнул и умолк.

За окном раздался звонкий смех и нежный перелив флейты. Карл тяжело поднялся – торопливо вскочил и Лестин, –

несколько раз смерил шагами комнату, потом снова сел.

– Сегодня утром я имел неприятный разговор с женой, – сказал король, наконец, очень тихо. – Вирджиния недовольна сыном... недовольна настолько, что... что мне это горько слышать. Ей неприятно видеть, что и Патрик, и Изабель взяли от меня гораздо больше, чем от нее. Ей обидно. Ты же знаешь, она никогда меня не любила... – признался он. – Увы, у династических браков, при всех их плюсах, есть один очень большой минус – редко какая пара становится действительно парой, парной, поддержкой. Вот я завтра объявлю о помолвке Патрика и Эвелины... а ведь неизвестно, чем обернется этот брак. Смешно так говорить, Лестин, но я, как и любой отец, хочу видеть свое дитя счастливым. Будет ли Патрик счастлив с этой девушкой? Просто, по-человечески счастлив – как мужчина, как муж и отец... И я не знаю ответа...

– Судя по всему, – слегка неуверенно выговорил Лестин, – их высочества вполне понравились друг другу... разве нет?

– Может, и да, – с горькой усталостью ответил король. – А может, и нет...

Он встал, подошел к распахнутому окну и долго-долго вглядывался в раскинувшийся за окном город – Леррен, столицу, которую он любил, почти как родное свое дитя.

– Ладно. Что-то я разоткровенничался сегодня... Видно, и правда старею. Грустно мне, – пожаловался он.

– Завтра праздник, ваше величество, – напомнил Лестин.

– Да... завтра праздник. Двойной, причем, – совершен-

нолетие принца и помолвка. Господи Боже, двадцать лет! – вздохнул он. – Ладно, Лестин, идите. И... и спасибо вам, мой друг. Спасибо, что вы были со мной откровенны...

* * *

Вета, Иветта Радич, фрейлина ее высочества принцессы Изабель, на вопрос, счастлива ли она, не смогла бы ответить однозначно.

С одной стороны, ей ли жаловаться на жизнь! Месту во дворце, которое она занимала, могли позавидовать многие; отец, граф Радич, обер-камергер, немало потрудился, устраивая дочь фрейлиной в свиту принцессы. Мать и отец любили ее так, как любят лишь поздних детей, рожденных под старость, ставших утешением и радостью, особенно если старший сын – обормот и разгильдяй. Вета получила хорошее образование в закрытом пансионе мадам Равен, хорошо танцевала, а знатность и заслуги отца открывали возможность удачного брака. О чем еще мечтать девице семнадцати лет?

С другой стороны, Вета совершенно точно считала себя несчастной. Она была влюблена. Разумеется, без взаимности. Разумеется, безутешно – как и полагается героиням любимых ею романов. И очень банально, сквозь слезы говорила она себе. Объект ее чувств угадывался без труда. В кого еще может влюбиться юная леди при дворе, если не в его высо-

чество наследного принца?

И конечно же, сам Патрик о чувствах влюбленной фрейлины не имел ни малейшего понятия.

Как это случилось, Вета сама не понимала. Они были знакомы с раннего детства; Вета хорошо помнила худого, лохматого мальчишку, скорого на смех и озорные проделки. Вокруг него постоянно крутилось с десятков приятелей, в числе которых нередко оказывались и наиболее отчаянные девочки из окружения принцессы Изабель – тогда еще младшей, а потому любовно считаемой «малышкой». Брат и сестра всегда были очень дружны, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте, а потому и игры у них часто бывали общие. В компании приятелей принца не было свойственной мальчишкам этого возраста жестокости – быть может, оттого, что никогда не был жестоким сам принц. Девчонок не гоняли, но принимали только самых достойных – тех, кто не боялся лазить по деревьям, прыгать с высоты, кататься на лыжах с крутой горки у пруда, ввязываться в бои в снежном городке. Маленькая Вета отчаянностью не отличалась, но ее почему-то принимали – быть может, оттого, что и трусливой она не была, несмотря на внешнюю скромность. Так или иначе, но, уезжая в пансион, Вета сберегла в памяти очень теплые воспоминания о шумной ватаге, заводилой в которой был смешливый длинноногий мальчишка, к которому тогда чаще обращались просто по имени, а не «ваше высочество».

Вернувшись из пансиона, Вета загрустила. Никого из

прежних подруг в столице не осталось. Одни, подобно ей, еще учились, другие уже вышли замуж и уехали – разница в два года порой бывает очень велика для девочек, подходящих к порогу новой жизни. Ее снова определили фрейлиной в свиту принцессы Изабель, но Вета даже самой себе не хотела признаться в том, что страшно напугана. Она боялась найти манерную девицу вместо милой хохотушки, надменных франтов вместо прежних приятелей по играм. В пансионе Вету учили этикету и танцам, языкам и рисованию, все это она знала очень хорошо, но была совершенно не искушенной в науке общения с противоположным полом. Мальчишки, юноши, мужчины – кто они такие, на каком языке с ними разговаривать? Проведя почти семь лет в обществе исключительно женском, знала она, конечно, немало, но знание это было теоретическим – мало ли о чем болтают в спальне старших воспитанниц, когда потушен свет и полагается спать. Брат Веты давно жил отдельно от семьи. Отец и раньше бывал дома так редко, что они почти не встречались. А прежние приятели остались в прошлом – там, где можно было вместе носиться по парку, играть в снежки и наперегонки скакать верхом. Та жизнь кончилась, а новая еще не начиналась, и Бог весть, какой она будет.

Так или примерно так рассуждала новоявленная фрейлина, бредя по коридорам дворца в первый день своей новой службы. Во дворце, по большому счету, до фрейлин никому нет никакого дела. Принцесса с утра занималась математи-

кой в своих покоях, прочие фрейлины куда-то разбежались, и она шла по узкому коридору, соединявшему библиотеку с фехтовальным залом, в полном одиночестве. И всерьез уже подумывала, вопреки своим обязанностям, укрыться в библиотеке, зарыться в спасительную тишину книг. Там она, по крайней мере, всегда чувствовала себя в своей тарелке. Вета любила читать – к удивленному недоумению большинства своих подруг, полагавших чтение занятием совершенно излишним для девушки. Но как странно и счастливо порой было думать о том, что книги, которые она держит в руках, держали, быть может, много лет назад люди, которых она не знала никогда... какими они были, о чем мечтали, кого любили? Бог весть...

Коридор резко изогнулся и превратился в широкую галерею, выходящую рядом высоких окон на дворцовый сад. Солнечные лучи частой сеткой золотых пылинок пронизывали коридор насквозь, и на минуту Вету охватило ощущение нереальности. Ей показалось вдруг, что она идет по золотому мосту... куда? Навстречу чему-то новому – чему? На мгновение почудилось, что там, за поворотом коридора, в пыльной тени остается вся ее прежняя жизнь – а, в сущности, так оно и было. Тихо было, как никогда не бывает тихо во дворце, и звук ее шагов отдавался под высокими сводами, придавая происходящему привкус странной сказки.

Дверь библиотеки, до которой оставалось всего несколько шагов, распахнулась, и кто-то, нагруженный книгами так,

что не видно было лица, боком протиснулся в проем, попытался закрыть дверь ногой, разронял толстые фолианты и вполголоса, но от души чертыхнулся. Вета бросилась помогать, они столкнулись лбами – и посмотрели друг на друга.

Незадачливый книжник покраснел и быстро извинился:

– Простите, леди, я не предполагал, что встречу здесь даму, – и залился краской еще больше. – Хотя меня это, конечно, не извиняет. Хорош принц...

А Вета смотрела на него, на тонкое его лицо с выразительными чертами, всматривалась в сине-серые глаза и понимала, что погибла. Человек, стоящий, вернее, сидящий на корточках перед ней – тот, за кого она может отдать жизнь. За кого будет молить Святую Деву и молиться, прося у Нее счастья – с ним. И что она, наверное, знала это всегда, только не смогла разглядеть сразу в лохматом мальчике свое будущее счастье.

А он и сейчас был лохматым, только волосы его не торчали в разные стороны, как прежде, а пышной золотой шапкой обрамляли лицо. И он смотрел на нее огромными своими глазами чуть удивленно, истолковав, очевидно, ее молчание по-своему.

– Надеюсь, вы не сочтете меня грубияном, леди? Я не задел вас случайно этой кипой?

Вета спохватилась, что слишком долго молчит, и, наверное, ей нужно хотя бы поздороваться.

– Вы – новенькая? – спросил принц, когда они в четы-

ре руки собирали несчастные книги, то и дело соприкасаясь рукавами, отчего Вета замирала и вздрагивала. – Очевидно, фрейлина моей сестры?

Вета посмотрела на него.

– Ваше высочество... вы меня, значит, совсем не помните?

Принц перетащил уже собранные книги на подоконник, отряхнул ладони и осторожно потянул ее за руку, поворачивая лицом к свету.

– Вета? – неуверенно спросил он по прошествии пары секунд. – Иветта Радич?

Она кивнула и присела в реверансе.

– Боже мой, Вета, – Патрик звонко рассмеялся. – Не ожидал вас увидеть – здесь. Вы, значит, вернулись? Как вы выросли... и как изменились! Я вас и не узнал сразу...

– Вы тоже, ваше высочество... – пролепетала Вета.

Патрик замахал руками:

– Прошу вас, не нужно церемоний. Просто – Патрик. Ведь мы же старые друзья, правда?

– Ваше высочество! – раздался сердитый окрик в конце коридора, и из-за поворота вынырнул толстяк в черной с золотом одежде. Вета с трудом вспомнила, что это кто-то из придворных учителей. – Куда вы пропали?

– Простите, Вета, – торопливо сказал принц, – я вынужден откланяться. Сейчас буду выслушивать мораль на тему «вместо того, чтобы прилежно изучать науки, вы, ваше вы-

сочество, болтаете в коридоре»... – он засмеялся, – с хорошенькой девушкой. Встретимся вечером, хорошо?

Он ухватил с подоконника стопку книг и зашагал по коридору. А Вета стояла и смотрела ему вслед.

Ей казалось, что все это происходит не с ней. Так не бывает. Единственное, искрой промелькнувшее мгновение счастья – и вот уже он уходит, и всегда будет уходить от нее, вот угораздило же – влюбиться в наследного принца, кто она такая, чтобы быть с ним рядом. Ей не надо многого – только видеть его, говорить с ним, но ведь и это – на бегу, мило и ни о чем. У ее счастья был явственный привкус горечи – им никогда не быть вместе.

Никогда. У наследников престола иная судьба, им сватают в жены дочерей иностранных правителей, а не дурнушек-фрейлин. Где были ее глаза? Как могла она влюбиться в того, о ком даже мечтать не положено? Мечтают о принце многие, вот только для этого нужно стать либо прекрасной принцессой, либо Золушкой – не менее прекрасной. Вета не была ни той, ни другой.

Она и вправду не могла считаться красивой. Остренькое скуластое личико с заметной россыпью веснушек, пепельно-серые прямые волосы, не ложащиеся в прическу, глаза – не карие и не зеленые, а что-то среднее... отец говорил: «Когда ты злишься – у тебя глаза зеленые, как у кошки, и зрачки узкие». Плоская фигура с едва наметившимися бедрами и

грудью – в семнадцать лет Вета еще не сформировалась и на фоне пышных, вполне зрелых девушек-ровесниц выглядела подростком. Впрочем, откровенной уродиной ее назвать тоже не решались; кроме того, Вета была добра и открыта, хоть и не вполне уверена в себе. Она любила людей – и люди отвечали ей тем же. По крайней мере, с ней хотели общаться. А еще Вета искренне верила, что счастье ее где-то совсем неподалеку, и вот-вот случится с ней что-то очень хорошее; не всегда ей быть серой мышкой, и найдется и для нее прекрасный принц...

Но пока что принц нашелся не для нее, а для заграничной принцессы Эвелины Августы Клементины Залесской, всячески выгодной как с точки зрения дипломатии, так и с точки зрения внешности и будущего потомства. Принцесса была высока ростом, имела блестящие, черные как смоль волосы, яркие черные глаза, очень белую кожу и пышную грудь. Они с Патриком неплохо смотрелись рядом – очень разные, но тем и красивы. И, надо сказать, жених привлекательностью – по крайней мере, так казалось Вете – невесте ничуть не уступал. И, похоже, влюблен был в свою нареченную по уши.

Поварившись в дворцовом котле, Вета не была, конечно, столь наивной, чтобы думать, что принц никогда... ничего... и так далее, шепот среди юных фрейлин о нем ходил, уверенно ходил. Но после появления в его жизни Эвелины количество шепчущихся поубавилось. Патрик, кажется, и в самом деле хранил верность своей избраннице.

Так что Вете оставалось лишь тихо рыдать в подушку да краснеть при встречах. И стараться, чтобы смущение ее было не так заметно.

Она и принц сталкивались на дню по двадцать раз, болтали – то на бегу, мимоходом, то неторопливо и обстоятельно, и случалось им скакать рядом на охоте, и в танцевальном зале Патрик нередко удостаивал фрейлину Радич своим вниманием. Конечно, все это по-дружески, открыто и ласково... только по-дружески, вот в чем дело! Вета изо всех сил старалась не показать, что видит в принце кого-то большего, чем просто товарища по детским играм и его наследное высочество, и это даже получалось. И только она одна знала, каких трудов ей стоило не краснеть, когда пальцы их соприкасались в танце; спокойно и обстоятельно доказывать ему, почему вишневое варенье лучше клубничного; смеяться, глядя, как Патрик улыбается кому-то другому, не ей, не ей.

Принцесса Изабель и принц Патрик остались по-прежнему дружны, компании их все так же держались вместе, а потому не проходило дня, чтобы не затевались поездки верхом, увеселительные прогулки, балы, приемы – все это, не считая просто вечеров «поболтать», в которые Изабель и Патрик часто уединялись «пошептаться», предоставляя остальной компании развлекаться самостоятельно. Вета не знала, о чем они «шепчутся».

Судя по тому, с какой нежностью и добротой относился Патрик ко всем выходкам и капризам младшей сестры, по

тому, как преданно смотрела на брата Изабель и каким важным являлось для нее его мнение, говорили они наедине о том, что важно и значимо для них – двоих. Делились ли тайнами, строили ли планы на будущее – никто не знал. Но очевидно, что такие тихие вечера стали для обоих отдушиной от суеты и многолюдья дворцовой жизни.

Принц и принцесса внешне походили друг на друга только золотыми волосами и одинаковыми легкими улыбками. В облике их причудливо и по-разному соединились черты отца и матери: Патрик тонкостью черт и изяществом фигуры, пластичностью и легкостью походки пошел в королеву, а цвет и разрез глаз унаследовал отцовский, Изабель же взяла от короля крепко сбитую фигуру и вздернутый нос, очаровательно сочетавшийся с темными миндалевидными глазами матери и ее же ямочками на щеках. И уж несомненно от отца досталось обоим умение радоваться жизни так светло и открыто, что это заражало окружающих. Королева Вирджиния, надменная и суровая, улыбалась очень редко, но так же редко и выходила из себя, внушая детям благоговейный страх перед ее выдержкой и умением владеть собой.

Никогда, ни разу не спускалась Ее Величество вечерами к детям. Принц и все три принцессы посещали ее покои лишь для того, чтобы пожелать матери доброго утра или спокойной ночи, а утешение и любовь обретали друг в друге и в отце. Что думала по этому поводу сама королева, ревновала ли, видя, как тянутся к рыжебородому королю ее дети,

оставалось загадкой. Втайне не одна Вета восхищалась железной выдержкой Ее Величества – многие пытались подражать первой леди государства в манерах и хладнокровии. Но умение одинаково ровно вести себя в гневе и радости королеве, кажется, дано было от рождения; среди молодых очень немногие могли похвастаться таким же даром природы – лишь у Патрика и Изабель, да и то очень редко, в гневе так же леденели глаза и таким же тихим и ровным становился голос. И уж никак не свойственно это было Карлу – в гневе Его Величество был слышен в самых дальних уголках дворца.

В отсутствие принца и принцессы компания не скучала, чаще всего разбиваясь на парочки. Его Величество Карл Третий тоже нередко достаивал своим вниманием забавы молодежи. Раз, а то и два в неделю вечерами он заглядывал в «детский сад», как в шутку называл покои дочери, и, судя по всему, забавлялся от души. Игры в фанты, шарады, загадки – над выдумками и шутками короля хохотали все, и часто бывало, что молодежь валилась с ног от смеха, а Его Величество лишь добродушно улыбался.

Молодой двор, как называли во дворце приближенных принца и принцессы, был очень пестрым как по возрасту, так и по положению. Свита принца насчитывала около полутора десятков человек, и большую часть из них Вета знала с детства. Старшему из них – барону Кристиану Крайку – пошел двадцать четвертый год, младшему – графу Марку де

Воллю – не исполнилось и семнадцати. Будущие советники, командиры полков и когорт, министры и интриганы, а пока – беспечные и легкие на подъем мальчишки, не обремененные державной ответственностью. Охоты, балы, хохот и споры до рассвета, ночные скачки верхом и легкий, ни к чему не обязывающий флирт. Правда, в последние месяцы Патрик заметно отошел от большинства забав – Его Величество, не дожидаясь совершеннолетия сына, так нагрузил его делами, что принц зачастую видел друзей лишь рано утром или поздно вечером. Но груз этот казался пока не столь тяжким. Все еще впереди...

Лучшим другом принца был виконт Ян Дейк, сын графа Рауля Дейка, занимавшего при дворе какую-то совершенно незаметную должность, но известного одиннадцатью детьми, из которых десять – дочери. Граф был богат, но подрастающие девочки грозили в ближайшем будущем изрядно уменьшить его состояние. Злые языки шептались о том, какие надежды возлагал Дейк на сына в будущем; действительно, месту Яна при особе принца можно было позавидовать. Никто не знал, что думает по этому поводу сам молодой виконт – со стороны казалось, будто шепотки и слухи занимают его меньше всех остальных. И уж тем более не обращал на это внимания Патрик. Дружба этих двоих была действительно дружбой, какая складывается иногда у очень разных меж собой людей. Неторопливый, обстоятельный и рассудительный Ян и смешливый, легкий на подъем, открытый Пат-

рик не имели, кажется, ни одной общей черты, но изгибы их характеров удачно дополняли друг друга. С недавних пор третьим к этому дуэту присоединился Марк де Волль, самый младший в окружении принца, но серьезный и спокойный не по годам.

Среди фрейлин принцессы Изабель – девушек от тринадцати до восемнадцати лет – были как дочери старинных, прославленных знатностью и достоинством родов, так и девочки из семей совсем небогатых, взятых ко двору не столько за заслуги родителей, сколько по чьей-то неведомой протекции. На самом деле, фрейлин, конечно, было намного больше, но многие – склочные и завистливые девицы – пришлись не по сердцу веселой и ласковой Изабель и не входили в «круг избранных», собиравшихся вечерами в покоях принцессы. Самой яркой и неординарной личностью в свите считалась, несомненно, Жанна Боваль – высокая, очень яркая и жизнерадостная брюнетка, затмевающая красотой почти всех девушек дворца. Самая старшая, восемнадцатилетняя, последнее время Жанна гораздо больше времени проводила с молодыми людьми из окружения принца, чем с фрейлинами; прекрасная наездница, она не пропускала ни одной охоты или верховой прогулки, не отставала от мужчин ни на шаг, звонко смеялась и явно отдала бы предпочтение принцу – когда бы он уделил ей хоть чуточку больше внимания.

В последнее время, однако, Изабель явно выделяла из большинства фрейлин незаметную Вету, Бог весть почему;

принцесса делилась с ней некоторыми своими секретами и – так уж получилось – стала невольной хранительницей сердечной тайны своей фрейлины.

Совсем уж детским садом, по выражению Его Величества, считался пятилетний принц Август – троюродный брат их высочеств, боковая ветвь рода, и две шестилетки-близняшки, младшие дочери короля, курносые колобки Агнесса и Бланка. Эти трое малышей хвостиком таскались за старшими и очень ловко умели удирать от нянек в им одним известном направлении.

Что рассказывала брату Изабель о своих подругах, неизвестно. Но маленькая принцесса (маленькой ее считали по-прежнему с подачи брата) на диво умела хранить чужие тайны. Если, конечно, ее об этом предупреждали.

Изабель-то как раз и нашла Вету в один уже декабрьский день в зимней оранжерее. Четыре месяца минуло со дня их первой встречи с принцем, но отношения ни на йоту не изменились. Патрик видел в ней лишь подружку по прежним играм, фрейлину сестры, девушку, с которой можно приятно побеседовать – в том числе и на «умные темы», – но не более. Он держался равно дружески, ласково и открыто со всеми, но если раньше, по слухам, то одна, то другая фрейлина достаивалась чуть более пристального внимания, то со времени появления в его жизни Эвелины не стало даже этого. А Вета боялась даже намекнуть ему о своих чувствах.

Гордость и воспитание заставляли ее молчать. Что сказал бы отец, узнав, что она «вешается на шею мужчине»? Тем более, если этот мужчина – его наследное высочество.

Потому и сбежала она от развеселой компании, играющей в снежки во дворе, потому и спряталась в этом безлюдном уголке дворца – чтобы погрузиться вволю над своей неудавшейся жизнью. В этот день Патрик был свободен от дел; пользуясь возможностью, он веселился вовсю, явно отдавая предпочтение Жанне Боваль. Та от всей души кокетничала, польщенная вниманием принца. Впрочем, возможно, что она просто походила внешне на невесту Патрика, и тот, глядя на нее, мог вспоминать надменную улыбку и черные волосы своей Эвелины.

В огромной оранжерее, сплошь заставленной растениями, было тепло и тихо. Так странно было видеть этот островок лета в заснеженный декабрьский день. В последнее время Вета часто приходила сюда; здесь всегда было тихо и как-то по-особенному уютно, здесь можно было и поплакать вволю, пока не видит никто, и помечтать, глядя на диковинные растения.

Спрятавшись под раскидистыми листьями какой-то заморской ярко-зеленой пальмы, прижавшись лбом к стеклу, Вета молча смотрела на занесенный снегом двор. Яркими пятнами мелькали на белом платя девушки, снежная пыль висела в воздухе. Внезапно входная дверь негромко стукнула; Вета обернулась было испуганно – и вздохнула с облег-

чением, увидев, что это всего лишь Изабель.

– Что случилось, Вета? – тихонько спросила принцесса, подходя. – Вы исчезли... я так и подумала, что вы прячетесь здесь. Я заметила, что вы давно уже грустны и о чем-то думаете. Вас что-то тревожит?

Вета посмотрела на нее – и опустила голову.

– Какие-то неприятности? – так же тихо предположила Изабель. – Я же вижу, как вы страдаете... Я могу помочь?

Вете очень хотелось ответить, что все в порядке, и помощи не нужно, но... но в глазах принцессы светилось искреннее участие и готовность помочь.

– Случилось.

– Если не секрет, Вета, что же?

– Влюбилась, – ровным голосом сообщила Вета, глядя в сторону.

Изабель ахнула и просияла, всплеснула руками.

– Так это же чудесно!

– Чего уж лучше, – прошептала Вета, украдкой вытирая наворачивающиеся слезы.

– А в кого?

Вета запнулась. Сказать? Или не надо? Наверное, лучше не надо... но тяжесть, лежащая на душе уже несколько месяцев, так измучила ее, что не было сил носить все это в одиночку.

– Секрет, да? – понимающе спросила принцесса.

– Не знаю, – вздохнула Вета. – Может, и не секрет. А сме-

яться не станете?

– Да вы что! – возмутилась принцесса.

– В его наследное высочество принца Патрика, – сообщила Вета с горьким смешком.

У Изабель распахнулись глаза.

– Правда?

– Правда...

– Да-а-а, – протянула принцесса озадаченно и совсем взрослому. – И давно?

Вета всхлипнула. По атласу платья скатилась прозрачная капля, оставив темное пятнышко.

– С первого дня, как только увидела его... уже четыре месяца. Ни о ком другом и думать не могу... и поделаться с собой ничего не могу, – шептала она, вытирая мокрые щеки ладонями. – Сил моих больше нет... Он мне по ночам снится, днем от встречи до встречи живу. А он... его высочество... меня даже не замечает. Я понимаю, что глупо это, что смешно, что я ему не пара, но... ничего не сделаешь, это сильнее меня...

Изабель обняла ее, осторожно погладила по голове, стараясь не помять прическу.

– Зачем же плакать...

– А что мне еще остается? – выкрикнула Вета, вырываясь. – Что? Даже если я ему все расскажу, что за этим следует? Ваше высочество, вам ли объяснять! Ведь у него невеста есть...

– Есть, – тихо согласилась Изабель. – Правда, помолвка еще не объявлена, но это вопрос времени...

– Вот видите. Разве я могу? Вот представьте, в вас влюбился бы сейчас... – она запнулась, – ну, вот хотя бы лакей ваш. Вы бы восприняли его всерьез?

– Но, Вета, – возмутилась Изабель, – вы-то не лакей!

– А что толку? – горько проговорила Вета. – Все равно мне... я ему не пара.

Принцесса вздохнула. Оборвала, не глядя, лист с ближайшего куста фиалок и спросила:

– А Патрик-то знает о ваших чувствах?

– Нет, конечно...

– Может, ему сказать?

– Что вы! – вскинулась Вета. – Ваше высочество, прошу вас – не надо...

– Вам виднее, конечно, – вздохнула Изабель. – Но, может, все-таки?...

– Нет, ни за что!

– Может, и зря, – подумав, сказала Изабель. – Патрик ведь очень хорошо к вам относится, Вета, он вас уважает... и откуда вы знаете, вдруг он тоже...

Принцесса умолкла, и ясно видно было – лгать она не умеет, а сказать правду не может.

Вета горько хмыкнула, погладила пальцами пушистые соцветия.

– Ну, ваше высочество... как вы себе это представляете?

Вот приду я к нему и скажу: так, мол, и так, люблю я вас, принц. И что дальше? Да он посмеется надо мной!

– Патрик никогда ни над кем не смеется, – строго возразила Изабель. – Он благороден и...

– Я боюсь, – прошептала Вета. – Боюсь...

– А лучше мучиться в одиночку?

Вета усмехнулась сквозь слезы.

– Предлагаете нам мучиться вместе? И вам не жалко брака, ваше высочество? – пошутила она невесело.

– Жалко, – твердо сказала Изабель. – Но вас мне тоже жалко, Вета. А хотите, я с ним сама поговорю?

Вета покачала головой.

– Спасибо вам, ваше высочество, – она сжала руку Изабель. – Простите меня...

– Да что вы, Вета! Знаете... я подумаю, как вам помочь. А пока, – принцесса улыбнулась, – вы, если хотите, можете в любое время говорить со мной о Патрике. Я ведь знаю, как это тяжело – когда никому рассказать не можешь...

Так горько и по-взрослому устало прозвучали эти слова от всегда смеющейся пятнадцатилетней девушки, что Вета задумалась невольно: а что ее гнетет? Неужели есть где-то человек, тронувший сердце наследной принцессы? Будь к ней, милостив, Боже, не дай ей влюбиться в того, с кем вместе не быть им никогда...

Весь тот день Изабель не отпускала от себя несчастную фрейлину ни на шаг, особенно ласково разговаривала с ней,

угощала пирожными, старалась развеселить. Остальные, не понимая причин такого внимания, лишь перешептывались недоуменно. Вета видела, что фрейлины не воспринимают ее всерьез; так, серая мышка, мало ли что там она себе думает. Она не блистала особенными талантами ни в чем, кроме разве что, танцев, не обладала ни ярким темпераментом Жанны, ни умением искрометно шутить, как Маргарита Этескье, ни неистощимой фантазией на шалости, как сама принцесса. Так с чего бы вдруг? Эти шепотки и косые взгляды еще больше задевали девушку; она старалась не показывать виду, гордо держа голову прямо, но каждый взгляд, каждое слово, произнесенное за ее спиной, резали ножом. Ей казалось, что все уже знают, как эта вот нескладуха влюбилась в принца. И все смеются над ней.

Тем вечером в покоях принцессы собралось, как обычно, около полутора десятков человек. Не слишком большая комната, выходящая окнами на запад, не казалась тесной; молодые люди сидели на нешироких диванах, обтянутых нежно-кремовой тканью, в низких старинных креслах, а кое-кто и прямо на полу, на разбросанных там и тут вышитых подушках. Короткий зимний день давно угас, сквозь узкую щель в светлых портьерах заглядывала в окна почти полная луна. Нежно пела флейта в руках Жанны, то тут, то там звенели голоса и смех, но обычного искрометного веселья не было – быть может, оттого, что притихшей и задумчивой была в

этот вечер сама Изабель. Она свернулась клубочком, подбрав ноги, на маленьком диванчике и негромко беседовала о чем-то с Марком де Воллем. Вета, по обыкновению, спрятавшись в угол с рукоделием, не спускала упорного взгляда с принца.

Патрик тоже казался сумрачным и усталым, неохотно отвечал на вопросы и почти не улыбался. Молча сидел в глубоком кресле, прячущемся в широкой нише, вертел в руках неоконченную вышивку сестры и невидящим взглядом смотрел куда-то в пространство. Вета только сейчас заметила, как осунулось его лицо, какая упрямая складка пролегла меж бровей, и острая жалость сжала ее сердце.

Изабель тоже с тревогой поглядывала на брата и, наконец, пробравшись к нему и тронув за плечо, обеспокоенно спросила:

– Ты здоров?

– Да, не беспокойся, – негромко ответил принц. – Устал немного...

– Что-то случилось? – не отставала сестра.

Патрик слабо улыбнулся:

– Нет, что ты... Я же говорю – просто устал. Успокойся...

Улыбка эта успокоила принцессу, она присела рядом на ручку кресла и погладила Патрика по руке.

– Где ты был так долго?

– Да так... разное... с документами сидел...

– Что, ваше высочество, тяжела доля наследного прин-

ца? – попробовал было пошутить Артур ван Херек.

Патрик поднял на него взгляд и спокойно ответил:

– В самый раз.

– Такова судьба, – перебила принцесса и скорчила уморительную рожицу. – За право носить вот это, – она дотронулась до вышитого на рукаве брата герба, – можно и поработать.

Принц шутливо дунул сестре в лицо – разлетелись пушистые локоны, Изабель дернула его за ухо.

– Взаимный обмен любезностями состоялся, – констатировал с притворной серьезностью Марк, а Изабель, оглянувшись, показала ему язык.

– Фи, ваше высочество. Как неэстетично, – укоризненно протянула Жанна.

– Смотри, увидит когда-нибудь матушка, – предостерег Изабель брат. Принцесса показала язык и ему и рассмеялась.

– Все собираюсь спросить – как вам в Совете, ваше высочество? – спросил Кристиан Крайк, подходя к ним и опускаясь прямо на пол.

– Нормально, – пожал плечами принц. – Сижу, молчу. Слушаю. Разбираюсь, вникаю. Я пока там на положении вот этой леди, – он постучал пальцами по мраморной фигурке одной из древних богинь (Вета так и не выучилась различать, какой именно). – Или вот этой, – он кивнул на полосатую кошку, которая терлась пушистым боком о его ноги. – Все слышу, все понимаю, а вот сказать – увы. Пока права голоса

я не имею.

– И долго еще иметь не будете, – заметил Марк.

– Да, – согласился принц. – До совершеннолетия. То есть высказывать-то свое мнение я могу, но голос мой – совещательный, не больше. Когда отец объявит меня наследником, тогда – да... потом получу право подписи. А когда отец велит «принимать дела» – про то мне не ведомо...

– Представляете, ваше высочество, если Его Величество вдруг передумает? – опять пошутил Артур. – Да и объявит наследником не вас, а... а...

– ... а маленького Августа? – подхватил Кристиан.

Патрик опять пожал плечами, не принимая шутки.

– Значит, так и будет.

– Ваше высочество, так получается, ваша метка здесь совсем ни при чем? – спросил вдруг Марк.

«Какая метка?» – подумала Вета, внимательно слушавшая их разговор, но спросить не решилась.

– Какая метка? – донесся из противоположного угла удивленный голос.

Молодежь притихла, все с интересом обернулись в сторону говорившего, потом головы, как по команде, повернулись к Патрику.

– А, пустяки, – с легкой неохотой ответил принц. – У нас в роду существует поверье, что королем может стать лишь тот из Дювалей, у кого на спине есть метка – родинка в виде креста под левой лопаткой.

– И что, у всех правящих королей она есть... была? – удивился Кристиан.

– Ну... да, – подумав, ответил Патрик. – Деда я не застал в живых, но отец говорил, что у него – была. И у Его Величества есть.

– А у королевы?

– Нет. Это только мужская примета...

– А у вас?

– И у меня... вон, принцесса может подтвердить...

Изабель согласно наклонила голову.

– Да бабкины сказки, – усомнился Кристиан.

Патрик хмыкнул.

– Бабкины – не бабкины, но факт остается фактом: таки да, родинка, таки да, в виде креста...

– А у Августа?

Патрик опять подумал.

– Честно сказать, не помню... не приглядывался. Кажется, нет...

Коротко хлопнула дверь, в комнату быстрым шагом вошел виконт Дейк. Резко остановившись, выдохнул, взъерошил волосы – и удовлетворенно кивнул, поймав взгляд принца. Патрик осторожно высвободился из рук сестры, встал, мотнул головой в сторону. Оба отошли к окну, присели на широкий подоконник. Вету, устроившуюся на невысоком пуфе в углу и сливающуюся светлым платьем с тяжелой портьерой, ни тот, ни другой, кажется, не заметили.

– Что? – тихо спросил принц.

– Есть... А у вас?

– Много чего, – вздохнул Патрик.

– Там – действительно факты?

– Да. Цифры, отчеты...

– Стейф?

– Не только он, но большей частью – да.

– И – что теперь?

– Что теперь? – усмехнулся принц. – Через два дня – Совет. Говорил ведь я отцу, говорил, – прибавил он с досадой. – Теперь придется выкладывать все как есть...

– Ваше высочество... Может, не стоит?

– Стоит, Янек, стоит, – жестко проговорил Патрик. – Это дело чести.

– Ох, принц...

– Патрик! – прозвенел на всю комнату голос Изабель. – Завтра – урок танцев... мне опять искать себе пару или ты соизволишь осчастливить нас своим присутствием?

Патрик спрыгнул с подоконника, лицо его осветилось улыбкой.

– Я постараюсь, малышка, – мягко ответил он. – Если отец не...

– Отец не, отец не, – перебила его сестра. – Знаю, что отец не. А сам-то ты? Или ты теперь совсем «фигура номинальная»?

– С чего это вдруг? – рассмеялся брат.

Изабель опять скорчила гримасу.

– У меня уже на языке оскомины от этих слов. Все, как сговорились, твердят в один голос: вы, ваше высочество, до совершеннолетия фигура номинальная...

– Зато так безопаснее, – тихо заметил Ян за его спиной.

В возникшей вдруг паузе, как иногда бывает это среди шумной беседы, слова эти прозвучали неожиданно громко.

У принцессы испуганно округлились глаза.

– Как это? Патрик, ты...

– Кому я нужен? – фыркнул Патрик. – Разве что мессир Теодор съест на следующем уроке... или лорд Марч опять выберит за нелюбовь к древним грекам...

Изабель рассмеялась звонко. Взаимная нелюбовь мессира Теодора и принца была известна всему дворцу. Тем не менее, Вета заметила, что сам Патрик не улыбнулся даже, а построил Яну гримасу, смысл которой был «Думай головой, что говорить при дамах...».

– Кстати, господа, – вмешалась Жанна, поправляя кружевной волан на платье, – разъясните для совсем глупых, – она притворно вздохнула, – каков смысл этого вот ограничения: совершеннолетие – только в двадцать лет?

– В двадцать лет ума нет..., – начал Кристиан.

– Это у кого как, – перебила Изабель. – Женщины, между прочим, взрослеют намного раньше мужчин. Нас уже в семнадцать замуж выдают, а если мы можем управлять мужем, то королевством-то...

– Молчи уж, – рассмеялся принц. – Управится она...

– По закону, обнародованному Его Величеством Эдуардом Двадцать Пятым, права голоса женщины лишены в делах равно церковных и светских. Ибо...

– «Негоже лилиям прясть», – сердито вспомнила Изабель. – А потому – сиди и молчи, так, что ли? Патрик, может, хоть ты отменишь этот дурацкий закон?

– Что я, совсем из ума выжил? – захохотал принц. – Чтобы потом прятаться от тебя по всему дворцу, когда на тебя нападет охота давать советы?

– К тому времени, как ты сможешь издавать законы, ты поумнееешь, – заявила Изабель.

– Попробуй уговорить отца, – предложил Патрик. – Все больше шансов, чем меня...

Молодые люди оживились.

– Да, господа, вообще положение наследного принца – совершеннолетнего – при здравствующем короле весьма и весьма двусмысленное. Принц имеет право подписи и использования Печати наравне с государем, право голоса в Совете, право замещать короля в его отсутствие, право вести армию в бой в случае войны... Спрашивается – зачем при таких правах еще и король?

Все расхохотались.

– А затем, господа, – вмешался Ян, – чтобы было кому встать пораньше...

– Да! И мотаться, сбивая ноги в государственных делах...

– А в ответ: «Осади, друг, ерунду творишь», – Ян так удачно скопировал короля, что все снова рассмеялись.

– Ага, а ему в ответ: «Сир, а не поехать ли вам... на войну?»

– Нет, лучше на охоту!

– Кстати, об охоте. Господа, а не поехать ли нам на охоту?

– В такую погоду?

– А почему нет? Костер, вино – что еще нужно?

– И ни одного зайца вокруг, все от мороза попрятались.

– Да если даже и так? Отдохнем от любопытства герцога Гайцберга.

В комнате стало тихо.

– Не поминай всуе, – буркнул Ян.

– Только его здесь не хватало, – поддержал Патрик и вздохнул.

– Ваше высочество, а как герцог отнесся к вашему заявлению?

– Это какому еще?

– Касательно суда присяжных.

– Да никак, – с досадой ответил Патрик. – Сказал, что решать этот важный вопрос не ему одному, а Совету и в первую очередь Его Величеству, но...

– Но и ежу ясно, что он по этому поводу думает, – закончил Ян.

– Станет он ограничивать сам себя! – фыркнула Жанна.

– Господа, оставим герцога, Бог с ним, – предложил Пат-

рик. – Была идея про охоту... хорошая идея!

– А когда? – блестя глазами, загорелся Марк.

– Завтра? – быстро сказал Ян.

– Ох, нет, – огорчился Патрик, – завтра я нужен отцу.

– А если в субботу?

– Можно подумать. Малышка, ты как? – обернулся принц к сестре.

– Я – как ты, – заявила она и с обожанием посмотрела на брата.

Патрик рассмеялся.

– Вот и ладно.

Большие часы над камином гулко пробили одиннадцать раз.

– Не пора ли нам расходиться, господа? – вмешалась Жанна.

Изабель, шелестя юбками, подбежала к Вете.

– Я все устрою, – шепнула она. – Завтра.

Вета посмотрела на нее с тревогой и недоумением.

* * *

По высоким залам, по гулким коридорам шепотком расползались слухи.

– Говорят, Его Величество болен?

– С чего вы взяли?

– Ну как же, ведь все знают...

– Полно болтать глупости...

– А вы разве не присутствовали на последнем заседании Совета?

– Увы, нет, я был в отсутствии, и....

– Что-то новенькое?

– Ах, господа, вы не знаете? Говорят, что Его Величество во всеуслышание объявил принца наследником...

– За год до совершеннолетия? Не городите чушь, милейший...

– Если я горожу чушь, то спросите уж тогда, отчего принц получил право присутствия в Государственном Совете и право голоса, пусть и совещательного? Король едва ли в открытую сказал: готовьтесь, мол, господа, работать вам вскорости с принцем...

– Ну и... И что такого? Естественный ход дел...

– Так срочно? А вы заметили, как плохо выглядит король? Когда Его Величество последний раз устраивали охоту? Все больше молодежь балуется...

– Право же, если только на основании этого делать выводы...

– Не пришлось бы вскорости кричать – «Король умер, да здравствует король!»

– Сказать по совести, мне бы ох как не хотелось говорить такое.

– Отчего же?

– Тише, господа... прошу вас...

Осторожные взгляды, боязливые голоса.

– Дай Боже здравия Его Величеству Карлу Третьему, вот что я хотел сказать.

– Совершенно верно!

– Вы правы, милорд, не станем торопить события...

– И тем не менее...

– Тише, господа... тише...

* * *

В королевском дворце Лераны балы любили всегда. Знал толк в танцах сам король; королева Вирджиния разбиралась в бальных фигурах лучше даже, чем в схемах вышивки; обожала порхать на паркете малышка Изабель. Патрику больше по душе была верховая езда, но от посещения уроков он никогда не отказывался, а глядя на него, не отлынивали и остальные юноши. Поэтому дам и кавалеров на уроках сэра Гэллона было всегда примерно поровну.

Но предстоящий бал, устраиваемый по случаю совершеннолетия принца и одновременно помолвки его высочества с принцессой Залесской, должен был превзойти все ожидания. Доподлинно было известно, что Его Величество выпи-сал из-за границы пороховых дел мастера, который обещал устроить в столице доселе невиданный фейерверк. Королевский оркестр в поте лица разучивал новые мелодии. Уже месяца за полтора до бала маленькая принцесса взбаламутила

едва ли не весь дворец рассуждениями на тему «что бы такое подарить принцу, чтобы было необычно». Сэр Гэлон спешно разучивал с молодым двором новые фигуры, придворные модистки и портнихи сбились с ног, готовя наряды для королевы и всех трех принцесс. И только сам Патрик, казалось, не обращал на суматоху совершенно никакого внимания.

Вета ждала этого бала с нетерпением, смешанным с легким испугом и волнением. Она боялась осрамиться.

Вета любила танцевать почти больше всего в жизни и, надо сказать, получалось у нее очень даже неплохо. В пансионе ее выделяли даже среди способных учениц, и мессир Тюссо, учитель танцев, ставил ее в пример едва ли не на каждом занятии. Правду сказать, старенький учитель хвалил даже самых безнадежных «дубочек», как называли их меж собой ученицы. Но Вета привыкла считать себя если уж не самой способной, то, по крайней мере, не без изящества.

Здесь же все оказалось совсем по-другому. То ли метода обучения дворцового учителя была иной, чем у добродушного мессира Тюссо, то ли занимались они лучше, то ли школы их разнились... Многие танцы Вета вообще увидела впервые, а те, что знала, здесь исполняли совершенно по-другому. В любимом ею чинном па де грасе дамы меняли партнеров совсем иначе, в менуэте иной была постановка рук и поклоны. И даже фигурный вальс, который, кажется, в целом свете танцуют одинаково, здесь звучал совсем не так! В огромной зале эхо путало объяснения и отрывистые коман-

ды сэра Гэллона, солнечные лучи, льющиеся сквозь высокие окна, ослепляли, приходилось перебегать с места на место. И хотя суеты и толкотни было в целом меньше, чем в пансионе, Вета никак не могла сосредоточиться, плохо понимала, что следует делать – и сама себя чувствовала, как водится, круглой душой.

Впрочем, она не растерялась бы так, если б не принц. В первое ее посещение танцевального зала Патрика не было – его увез с собой отец, и это дало Вете возможность без смущения присматриваться к движениям девушек, внимательно слушать громкие «раз-два-три-четыре» сэра Гэллона, и даже кое-что запоминать. Но вот второй раз! Вете казалось, что весь мир обрушится тотчас же, если она неверно ступит, повернется не в такт или неправильно подаст руку, а потому именно так у нее и получалось. Под взглядом принца она краснела, бледнела и все делала неправильно – при том, что его высочество и взглянул-то в ее сторону всего дважды. Вета отчаянно ругала себя, украдкой кусала губы и щипала себя за локти – не помогало, и на глаза от отчаяния наворачивались слезы.

А Патрик в тот раз от души веселился, составляя пару Изабель и вполголоса комментируя сэра Гэллона – так, что соседние пары давились со смеху. Ничего не подозревающий учитель с подозрением поглядывал в их сторону несколько раз, а когда понял, в чем дело, то, подойдя, вполголоса, но довольно строго сказал принцу несколько слов. Вета не слы-

шала, что именно, но порядок в зале был восстановлен.

Какие-то пары были здесь сложившимися, какие-то образовывались на каждом уроке сами собой. Принц почти всегда приглашал Изабель, а когда маленькой принцессе надоело танцевать с братом, то у его высочества не бывало трудностей с выбором дамы. Вета не раз видела, как краснели и опускали глаза девушки, когда Патрик протягивал какой-нибудь из них руку; впрочем, принц соблюдал справедливость и по возможности не обделял вниманием никого. Редко какая фрейлина могла похвастаться, что его высочество вставал с ней в пару больше двух раз подряд.

В паре с Ветой стоял в тот раз изящный красавец Кристиан Крайк. Первые несколько танцев Вете казалось, что он едва удерживал на лице маску благопристойности, сквозь которую отчетливо проступало надменное «Боже, избавь меня от этой неуклюжей девицы!». Жесты его, поклоны, подачи руки были полны снисходительной усталости, которая доводила девушку едва ли не до слез. Мир рушился на глазах. Вета забыла уже, что прошлый урок было для нее вполне удачным, и ругала себя от всей души.

Спустя какое-то время в зал заглянул Его Величество. Музыка мгновенно смолкла, пары присели в глубоких поклонах, сэр Гэлон поспешил к двери, но король махнул рукой, что означало, видимо, «продолжайте, меня здесь не было» и, отыскав взглядом сына, кивком головы поманил его за собой. Принц торопливо, едва соблюдая приличия, покло-

нился своей даме – и выскочил наружу, хлопнув дверью.

Мир померк, но дышать почему-то сразу стало легче. Вета снова обрела способность смотреть по сторонам и слышать музыку. Следующую за тем польку она оттанцевала так, что Кристиан посмотрел на нее с удивлением и, кажется, даже с одобрением. Но что Вете было до его одобрения...

В тот день дам в зале было больше, чем кавалеров, и трем или четырем девушкам приходилось стоять у стены. Сэр Гэлон, соблюдая справедливость, каждый раз перемешивал пары по своему разумению, и выходило так, что все свои любимые танцы Вета вынуждена была пропускать. Привыкнув в пансионе танцевать со стульями или с подругами, она кусала губы от обиды. Отчего и здесь нельзя так же?

Когда громкий голос сэра Гэлона раскатился по залу, объявляя ее любимым вальс «Маргарита», Вета почувствовала, что сейчас заплачет. Подходили молодые люди, но взгляды их были обращены на других. Вета уже свыклась с мыслью, что останется сегодня без пары, поэтому, уныло опустив голову, просто отошла к стене, чтобы не мешать остальным девушкам. И услышала рядом:

– Позвольте вас пригласить...

Вета вскинула глаза – и едва не вскрикнула. Прямо перед ней склонилась в поклоне золотоволосая голова; узкая ладонь, протянутая ей, принадлежала принцу. Очевидно, он вернулся в зал так, что этого никто не заметил.

Почувствовав, как дрожат колени, Вета торопливо при-

села в реверансе. Они были последней парой и едва успели встать в круг, как зазвучали первые такты вальса.

Она все забыла! Совсем забыла! Движения сразу стали корявыми и беспомощными, руки дрожали и повороты получались настолько неуклюжими, что хотелось плакать. Как же, должно быть, смешно выглядит она со стороны!

– Спокойнее, Вета, – сказал Патрик вполголоса. – Не торопитесь... Раз-два-три... раз-два-три...

Ах, эта «рамка» вальса, в которой сильные и надежные руки держат тебя так, что никуда ты уже не денешься! Эти чинные фигуры и поклоны, этот строгий этикет... и легкий, незаметный разговор сплетенных пальцев, взглядов, улыбок! Принц вел ее изящно и ловко, умело обходя остальные пары – так, что Вете ни о чем даже думать было не надо, просто подчиниться ему... стало легко и спокойно, если бы он вел ее вот так всю жизнь! С ним не нужно было думать о том, какое движение должно быть следующим... оказывается, с хорошим кавалером вообще не нужно ни о чем думать – просто слушаться его и слушать ритм. Музыка кружила голову; стены, фигуры, лица слились в одну полосу, сердце билось испуганно и часто. Патрик смотрел на нее очень серьезно и по-доброму, а Вета то отводила глаза, боясь, что выдаст себя, выдаст с головой, то глядела на него, глядела, глядела... и снова боялась, что все чувства сейчас написаны у нее на лице, что все видят и понимают, о чем думает она в эту минуту. Пальцы ее, лежащие на плече принца, задрожали...

Когда закончилась мелодия и Патрик, сделав последний поворот, остановился, Вета от волнения едва не упала. Впервые в жизни у нее закружилась голова. Принц аккуратно и бережно удержал ее и улыбнулся.

– Развернитесь в другую сторону, – посоветовал он – и ловко крутнул ее в противоположном вращении. Потом довел до места – и поклонился. И, улыбнувшись, сказал:

– Спасибо.

Вета присела в реверансе, не чуя под собой ног. А когда Патрик отошел на безопасное расстояние, судорожно прижала ладони к горящим щекам.

С тех пор минул почти год, новая фрейлина попривыкла к дворцовым правилам, и сэр Гэлон все чаще ставил ее в пример другим. Но что с того? Все равно она некрасивая...

* * *

Редко кому удается устоять перед целым каскадом устремленных на тебя восхищенных взглядов и льстивых улыбок. Особенно, если тебе девятнадцать лет. Особенно, если взгляды эти принадлежат девушкам столь откровенно привлекательным, что порой дух захватывает. Особенно, если любая почтет за честь удостоиться твоего благосклонного внимания. И уж тем более, если ты – наследный принц.

Наследным принцам полагается быть невероятно красивыми. Наследные принцы должны быть очень галантными

и почему-то писать стихи. И именно наследным принцам почти предписывается время от времени увлекаться молоденькими фрейлинами или горничными, чтобы потом, когда придет пора жениться на Золушке, не ударить в грязь лицом перед невестой.

Порой Патрик от души проклинал этот обычай. И внешность свою иногда проклинал тоже; какой насмешкой казалась эта неведомо зачем доставшаяся ему красота, от которой у окружающих его девиц порой перехватывало дыхание. В нем видят лишь лицо – и титул, а то, что скрывается за этим блестящим фасадом, никому не интересно. Одна лишь Изабель могла понять это...

Не проходило и недели, чтобы Патрик не находил испи-санные косыми девичьими строчками листы, вышитые платки, цветы, обвязанные лентами. Со всеми девушками держался он одинаково легко и шутливо, с ласковой беспечно-стью, но чего ему это стоило! И лишь оставаясь один или в обществе Яна Дейка, принц отводил душу, яростно ругаясь или горько сетуя на жизнь. Ян – даром, что в тени друга, а успех у молодых барышень имел едва ли не больший, чем Патрик – относился к этому проще и спокойнее и лишь пожимал плечами в ответ на проклятия принца.

А с недавних пор прибавилось еще одно наказание – откровенные взгляды герцогини фон Тьерри, подданной Элалии, прибывшей к ним в свите посольства короля Йорека. Она знала пять языков и говорила на них почти без акцен-

та, прилично разбиралась в живописи и в архитектуре, с ней можно было спорить и доказывать – как с женщиной, с равным, без скидок на женские глупости. Патрик уважал и ценил рыжеволосую гостью за острый ум, за начитанность и образованность, но – не более. А вот красивая, тонкая сорокалетняя Анна фон Тьерри, совершенно очевидно, удостоилась вниманием молодого принца. Она не пропускала ни одной вечеринки, сопровождала принца на охоте, спускалась в «детский сад» вечерами – и если слова ее были вполне невинны и полны достоинства, то взгляды, взгляды...

Нельзя сказать, чтобы его высочество был совсем уж святым. Будучи молодым и здоровым, уже не мальчиком, а мужчиной, он позволял себе многое – но лишь с теми, кто по положению своему не мог претендовать ни на что большее. Ходили слухи, что при дворце обретаются девицы, специально для этой цели подобранные королем в свиту. Ни одна из фрейлин не могла похвастаться его вниманием – именно таким вниманием. Поклоны, комплименты, прогулки и танцы – но не более. К частым признаниям и посланиям девушек принц относился как к щебету птиц за окном – и даже не потому, что не верил им. Верил, наверное, как не верить... Но ответить взаимностью смог бы лишь, когда в душе родилось большое чувство. А пока нет его – будут лишь внешние знаки внимания. Для серьезных и откровенных бесед у него есть сестра... и кому-то нужно будет очень постараться, чтобы занять ее место.

После первой своей полудетской влюбленности в отцовскую горничную в четырнадцать лет Патрик не мог назвать ни одного имени, которое заставило бы его трепетать и не спать ночами. Короткие, мимолетные увлечения – и ничего большего. А потом появилась – она... ее высочество принцесса Эвелина; даже брак в интересах государства может обернуться счастьем, если в глазах избранницы видишь улыбку и тепло.

Патрик понимал, конечно, что положение накладывает на него определенные обязательства. Династические браки не всегда бывают удачными; и трижды счастлив будет тот правитель, кому повезет найти в предназначенной ему невесте – друга, любимую, единственную. И когда год назад, во время визита в Залесье черноволосая девушка взглянула на него серьезно и слегка надменно, он и не заметил одобрительной улыбки на лице отца. Просто понял, что перед ним стоит его счастье. А то, что ее высочество Эвелина Залесская – выгодная партия, узнал уже потом. Судьба оказалась благосклонна к ним – это ли не чудо? И пусть помолвка станет возможной лишь после совершеннолетия, пусть видеться часто им не удастся – неважно. Полная достоинства, даже чуть высокомерная Эвелина смотрела на него иначе, чем на других, и в глазах ее вспыхивали искорки...

А он боялся даже коснуться ее руки; он, легко и непринужденно выдававший девушкам комплименты и стихи, не мог даже признаться, что влюблен; он дышать на нее не смел,

и если бы только она захотела – достал бы, наверное, луну с неба. Чего же еще желать от жизни?

За целый год – время то тянулось томительными минутами без нее, то летело часами, когда выпадало счастье быть рядом, дышать одним воздухом, говорить с ней – Патрик и Эвелина виделись едва ли несколько раз. Впрочем, какая разница – ведь у них будет еще время узнать друг друга... после свадьбы весь мир будет принадлежать только им двоим...

Исчерканные горячими любовными признаниями в стихах листки, безжалостно скомканные и выброшенные в корзину, подбирали украдкой горничные. Сколько молодых оболтусов посвящало их потом своим любимым, никто не считал.

Жизнь кружилась на кончике пера и на острие клинка, летела бок о бок с горячим конем на охоте, сверкала и искрилась брызгами вина на летнем закате. Скоро, совсем скоро он будет счастлив.

Где было Патрику заметить другие глаза, устремленные на него с тоской и отчаянной надеждой...

* * *

Королевские фрейлины совсем не обязаны были находиться при особах Ее Величества и ее высочества безвылазно. Девушки, имеющие родственников или родителей в

столице, имели право на ночь покинуть дворец. Вот только пользоваться такой возможностью фрейлины из свиты принцессы Изабель не спешили.

В самом деле, куда как интереснее до рассвета болтать и смеяться в просторной спальне, чем выслушивать скучные нравоучения бабушек или тетюшек. Весело ли – чинно вышивать вечерами, как подобает приличной девице из хорошей семьи, в то время как там – смех, прогулки верхом, флирт или балы. Кому захочется коротать вечера в обществе родителей, если семнадцать лет, летние долгие закаты, прогулки парами; и пусть строгий дворцовый этикет не допускает откровенных слов, но откровенные взгляды в уставе не упомянуты, а значит – разрешены. Грудной, залиvistый смех, галантные комплименты и букеты уж всяко лучше, чем одинокие вечера в своей спальне или возня с детьми, пусть даже горячо любимыми племянниками.

Случалось, Вета уставала от суеты и многолюдья придворной жизни. Дворцовые правила требовали, чтобы фрейлины находились при августейших особах с раннего утра и до позднего вечера, а балы во дворце заканчивались далеко за полночь. Денежного довольствия девушкам не полагалось, и тем, кто не имел в столице родных, приходилось порой нелегко. Наряды, ароматическая вода и украшения требуют средств, а среди фрейлин были как очень богатые, так и откровенно бедные. Слава Богу, Вета не относилась ко вторым. Но и к категории первых ее причислить можно было с боль-

шой натяжкой.

Отец Веты – обер-камергер Карел Радич – был человеком строгим и бескомпромиссным. Злые языки поговаривали, что из-за этой прямолинейности и не задалась его когда-то стремительно начинавшаяся карьера. Графу повезло хотя бы в том, что у него не было вороха дочерей на выданье, как у того же виконта Дейка. Но у него был сын. И в этом, как говорили те же злые языки, графу не повезло вдвойне.

Брата Йозефа Вета помнила не так чтобы очень хорошо. Старше ее на семь лет, Йозеф уехал в кадетский корпус, когда Вета была еще совсем маленькой. И потом приезжал домой лишь на недолгое время отпуска, и она не успевала привыкнуть к выходкам долговязого и язвительного мальчишки, который шутки ради мог дернуть за косу, подкинуть в карман лягушку, толкнуть в грязь. Йозеф рос на удивление злым и скрытным; мог нагрубить исподтишка – и обернуть дело так, что виноватой оказывалась сестра; мог орать на дворню и раздавать затрещины – а в присутствии матери, всегда безукоризненно вежливой со слугами, выглядеть воспитанным и добрым; мог втихомолку нашептывать гадости, улыбаясь при этом очаровательной улыбкой. Прямолинейная – в отца – Вета такого понять и принять не могла, и отношения ее с братом были далеки от идеальных.

Потом она уехала – и семь долгих лет сама видела родных лишь два месяца в году. А когда, закончив пансион, вернулась в столицу, Йозефа уже не застала.

Отец говорил о причинах отъезда старшего сына неохотно. Потом, окольными путями, Вета выяснила у матери: Йозеф, будучи сильно пьян, с двумя дружками ввязался в драку с королевскими гвардейцами. Молодой Радич и до этой истории не показывал себя образцом воспитанности. Дуэли, карты, вино – развеселая компания не стеснялась в развлечениях. Могли и рога наставить какому-нибудь мещанину; да и мелкие дворяне, имеющие молодых жен, поносили знатных балбесов про себя и в открытую. В тот раз то ли какому-то из них надоели собственные ветвистые рога, то ли карты так легли, но графу Радичу стоило больших трудов спасти сына от неприятностей. Он отправил беспутного отпрыска из столицы – от греха подальше. Впрочем, от греха-то как раз не получилось – Йозеф и в провинции ухитрился найти себе развлечение. Читая письма сына, Карел вполголоса ругался; все они были на один манер: проигрался в карты, прошу денег.

Не сказать, что граф чувствовал себя стесненным в средствах, но и назвать семью Радичей богатой тоже было нельзя. Вете не приходилось краснеть перед другими девушками за свои немодные, перешитые платья, как Анне Лувье, или прятаться, стыдясь поношенных туфель. Но когда улыбающаяся, ослепительно хорошенькая Маргарита Этескье вливалась в комнату в новом платье – каком-нибудь этаким, сплошь изукрашенном заграничным кружевом, или демонстрировала усыпанные изумрудами колье и серьги, объясняя, что «так

сейчас носят» – Вете оставалось лишь вздохнуть.

Тем не менее, обделенной себя фрейлина Радич не чувствовала – по крайней мере, в части нарядов и родительского внимания. Милена и Карел, словно стыдясь непутевого сына, старались как можно внимательнее относиться к воспитанию дочери. Граф держал дочь в строгости, но любовь отца Вета чувствовала и по-своему ценила. И видела, как скучает по ней мать, когда она надолго задерживается во дворце.

Зимой она особенно любила бывать дома. Летом – что! Лето манит и зовет алыми теплыми закатами, рассветной прохладой на набережной, топотом копыт на верховой прогулке. Совсем иное дело – зима. Во дворце сейчас шум и гам, а дома – спокойно; потрескивает огонь в камине, темно-красное кресло, любимое с детства, поскрипывает едва слышно – мать склонилась над вышивкой. Задернуты тяжелые портеры, зимний вечер метет пургу, а в комнате так тепло и уютно. Можно поваляться на кровати днем, не заботясь о приличиях, можно попросить горячего молока – и оно будет подогрето именно так, как надо, без пенки. Можно посидеть рядом с мамой, прижавшись щекой к ее ладони. Все рассказать ей... все... ну или почти все. Можно просто побыть в одиночестве в своей комнате, перебирая в памяти обрывки разговоров – с ним...

Бывая дома по несколько часов, Вета долго не замечала, что мать улыбается все реже и реже, что отец хмурится и все чаще ворчит на «современную молодежь, которая гораз-

да только деньги с родителей тянуть». Краем уха слышала она разговоры родителей о том, в какую цену продать одно из родовых имений, чтобы не продешевить, но поскорее вышло. Все это ее не касалось, это были заботы старших, взрослых, с которыми они разберутся без нее.

Однажды, уже в феврале, Вета выпросила у принцессы два дня отпуска. Устала. Как-то сразу и резко ей стало все равно. Не радовали ни зимние забавы, ни санные катания за городом, ни все более крепнущая дружба с Изабель, ни даже любимые уроки танцев – ничего. Клонило в сон, постоянно болела голова. Маленькая принцесса как раз простудилась, несколько дней не выходила из своих покоев, а между фрейлинами то и дело вспыхивали мелкие ссоры и капризы. Словом – сбежала, и слава Богу.

А всего-то, оказывается, и нужно было – выспаться. Вета пролежала в постели целый день. Приходила мать, садилась на краешек кровати – Вета гладила ее теплые пальцы, целовала ее в щеку и отговаривалась усталостью. Она то просыпалась внезапно, то снова впадала в сон. То бралась за книгу – но пролистав несколько страниц, снова закрывала глаза. Уютное гнездышко в кровати – вот и все, что нужно в жизни. Отчего-то было жалко себя – так жалко, что хотелось плакать; а через несколько минут снисходило странное спокойствие, которое вполне можно было назвать счастьем. Вазочка с щербетом на столике, любимая книжка со сказками, большие оранжевые яблоки у руки. Она сама себе завидова-

ла...

Провалившись в постели в сладкой полудреме целый день, утром следующего дня Вета проснулась вполне здоровой и веселой. Едва взошедшее солнце стелило косые лучи по стенам. Оранжевые блики плясали по темно-ореховому бабушкиному комоду, по зеркальцу на бюро, высвечивали на стене портрет прапрабабки – строгой красавицы в пышном платье – и почему Вета на нее ну нисколечко не похожа?

Девушка сладко потянулась и поняла, что жизнь определенно становится лучше. Перевела взгляд – и замерла от восхищения: рядом на стуле висело новое платье. Вета рывком откинула одеяло и вскочила. Ой, какая прелесть!

Платье было сшито из бледно-розовой тафты – как раз того оттенка, который Вета любила, не поросычье-кричащий, холодный цвет, модный в ту зиму в столице, а теплый отблеск летнего заката, оживлявший ее лицо и глаза. Широкие каскады кремовых кружев сбегали к запястьям, пенились у подола. И, что самое необычное, шнуровка на платье была не на спине, а по бокам – так, по слухам, носили сейчас модницы за границей.

К платью обнаружили легкие кремовые туфельки без каблуков, завязывающиеся лентами вокруг лодыжек. Вета бросилась к зеркалу, собрала и приподняла густые волосы. Уложить на затылке узлом или сделать локоны? Нет, локоны разовьются уже через несколько часов, пусть будет узел – но пышный, он хорошо смотрится с таким вот полукруглым вы-

резом. Укрепить шпильками с маленькими жемчужинами – строго и просто, а к платью у нее есть чудесный веер, как раз в тон, крестная подарила на прошлые именины. И пусть эта дуруха горничная Агнесса хоть что-нибудь попробует перепутать!

Спустившись в столовую, Вета первым делом раздвинула тяжелые портьеры на окнах. Пусть всегда будет солнце! Сияющие лучи заискрились в замороженных высоких окнах, и Вета зажмурилась. Ей вдруг захотелось смеяться и петь – просто так, ни от чего и ни о чем, от жизни. Пусть скажет кто-нибудь, что сегодня она не хороша!

Легкий перестук каблуков в коридоре – мама идет. Милена Радич вошла в столовую обычной своей стремительной походкой, и выражение лица ее было таким же, как всегда, и так же аккуратно застегнуто на все пуговицы темно-синее платье с золотым поясом. Но единого взгляда на нее хватило Вете, чтобы понять, как огорчена графиня – горькие складки залегли у губ, темно-серые глаза смотрели устало и горько.

–

Что с вами, матушка? – спросила Вета, стремительно ощущая, как уходит, меркнет радость.

Едва качнулась в знаке отрицания высокая прическа: ничего, мол. Но сбить Вету было не так-то просто.

–

От Йозефа? – спросила она быстро и тихо – за дверью уже слышна была тяжелая поступь отца.

Милена кивнула едва заметно и приложила палец к губам. Вета вздохнула едва слышно – да разве от отца можно что-то утаить?

Граф Радич, как обычно по утрам, был немногословен и деловит. Поцеловав дочь и коротко кивнув жене, он взглянул на Вету с откровенным удовольствием:

– Что, девочка, понравилось платье?

– Ой, папочка... – восхищенно воскликнула девушка, но отец не дал ей закончить:

– Ты у меня красавица! А локоны зачем убрала? Выпусти, тебе так лучше, – он потрепал ее по щеке и уткнулся в тарелку.

Но когда подали десерт, граф спросил небрежно, словно мимоходом:

–

Что, письмо от Йошки было?

И удивленно поднял голову на воцарившуюся тишину.

–

Было? – переспросил граф, глядя на жену и хмурясь.

–

Да, – ответила Милена едва слышно.

–

И что пишет этот бездельник? Почему мне не показала? Дай-ка сюда! – он протянул руку.

В протянутую руку лег узкий сиреневый конверт. По тому, как посуреловело лицо отца, как хмурились, подрагивая,

кустистые темные брови, Вета поняла, что ничего хорошего брат не написал. Мельком подумала даже, а стоило ли вообще писать...

—

Так, — спокойно произнес граф, отшвыривая листы. — Понятно. Опять влип, — он усмехнулся. — Ничего иного я и не ждал. Ну, дрянь! — рявкнул он, сорвавшись, и в гневе грохнул кулаком по столу. Вскочив, стремительно зашагал по столовой, пинками отшвыривая стулья, попадавшие на пути.

Графиня молчала, не опуская головы, глядя мимо мужа.

—

Каков щенок! — кипятился Карел. — Мало ему было того, что в прошлый раз едва из долгов вылезли! Мало было, что дуэль его посмешищем стала, на всю столицу ославился, так нет же — опять, извольте видеть, ввязался... с-скотина! Стоило для этого отсылать его прочь... Ну, я этого так не оставлю!

Стремительно выскочил он из комнаты, бросив через плечо жене:

—

Денег ему посылать не смей, поняла? Сам разберусь!

Прогрохотали по коридору его сапоги, и все стихло.

Вета оглянулась на мать. Та сидела по-прежнему прямая и строгая, но по щекам ее катились мелкие, как бусины, слезы.

—

Мамочка! — острая жалость сдавила сердце, Вета вскочи-

ла, бросилась к ней, обняла. – Ну перестаньте, что вы, в самом деле... Не плачьте, не плачьте...

–

Кто бы мог подумать, – шептала мать... – Где, как, когда? Почему он таким стал... Не ходи за мной! – велела она дочери и, ломко поднявшись, вышла на холодную веранду.

Вета посмотрела ей вслед. Мать облокотилась о резные перила и стояла молча, словно не замечая холода. Потом развернулась и простучала каблуками по ступеням в сад. Вета вздохнула – плакать пошла, понятно, – и кинулась вслед за матерью с шубой в руках.

Вернувшись к себе, Вета постояла у окна, глядя в заснеженный сад. Тягостное ощущение, оставшееся после утренней истории, испарялось, улетучивалось. В самом деле, впереди такой чудесный день, день отдыха и покоя, стоит ли портить себе настроение? С легким чувством стыда за свой эгоизм Вета поняла, что проблемы с братом касаются ее сейчас совсем мало. Но ведь она здесь и правда – ни при чем?

Чем бы таким заняться? Можно съездить в город, в модную лавку, приглядеть перчатки к новому платью. Можно не спеша прогуляться пешком по заснеженным улицам – вдыхая морозный воздух, любоваться кружевом инея на ветвях, жмуриться от ослепительного зимнего солнца, смотреть в высокое небо, на лица прохожих. Можно попросить у отца лошадь и поехать кататься верхом. Вернуться домой к обеду, замерзнув как следует, и с удовольствием выпить горя-

чего вина с пряностями. На исходе дня долго-долго стоять у окна, ловить отблески заката на окнах, любоваться сиянием угасающего дня. А когда совсем стемнеет, спрятаться с вышивкой в объятиях старого кресла. Хорошо. А еще можно попросить кухарку Балинду, у которой Вета с детства любимица, испечь ее любимое пирожное к ужину.

В дверь коротко постучали и, не дожидаясь ответа, отворили ее властной рукой. В комнату шагнул отец, окинул дочь внимательным взглядом.

– Ты здесь? Вот хорошо. Иветта, у меня разговор к тебе есть...

Послушно опустилась Вета на стул. Отец отвел глаза, окинул взглядом залитую солнцем комнату, словно видел ее впервые, усмехнулся, погладил пальцами вышивки дочери на стене, взял в руки игрушечного медвежонка, все еще жившего на комод, потрогал пуговичный нос. Сел напротив.

– Вета... – необычно мягко проговорил он. – Вчера я имел важный разговор с герцогом Гайцбергом. Разговор касается тебя...

– Меня? – с испуганным недоумением спросила девушка. Что может быть нужно герцогу Гайцбергу от нее, девочки, фрейлины?

– Тебя, доченька. – Отец помолчал. – Герцог просит твоей руки для своего племянника Эрика.

Вета глухо охнула и отшатнулась, прижав руки к губам.

– Что ты? – удивленно спросил Карел. – Чего испугалась?

– Герцог... – прошептала Вета.

Герцог Гайцберг занимал при дворе должность министра внутренних дел, по существу же являлся шефом полиции тайной и явной. Чистота нравов, преступления уголовные и политические, тюрьмы и каторги огромной страны находились в его ведении. Судя по всему, дело это приносило герцогу немалое удовлетворение. Казалось, он с легкостью жертвовал хорошим к нему отношением (а на такой должности врагов будет много, хоть из кожи вон лезь) в обмен на порядок в делах. Гайцберг, казалось, не мыслил для себя удовольствия большего, чем устранение очередного беспорядка в делах равно великих и малых. Жизнь его была неотделима от звона ключей и кандалов, сырого запаха тюрем, сероватых листов опросных дел, бесстрастных голосов судей, проклятий и мольбы родственников осужденных. За глаза над ним посмеивались за неодолимую страсть к порядку, в лицо же мало кто осмеливался высказать ему не то что порицание, но и простое недовольство. Наверное, в своем деле этот человек был незаменим. Во дворце его уважали, но боялись.

Худой, быстрый, черноволосый, горбоносый профилем напоминавший хищную птицу, герцог Гайцберг умел совершенно неслышно появляться в самых разных местах в самое неподходящее время. Много подслушанных разговоров были не прерваны вовремя из-за того, что герцога не заметили. Скажешь что в его адрес, смотришь – а он уже рядом стоит, покашливает в кулак и смотрит на тебя с таким нехоро-

шим любопытством, словно размышляет: сейчас тебя к ногтю прижать или погодить немного. Министры, фрейлины, челядь, даже сама королева герцога старались избегать. Его Величество Карл, тем не менее, своего министра ценил. При дворе Гайцберг появлялся чаще всего в компании графа Диколи, возглавлявшего военное министерство.

Молодой двор, с присущим молодости бескомпромиссным презрением, не раз проезжался по адресу герцога – но в узком кругу. Даже принцесса при встрече с ним опускала глаза и торопливо пробегала мимо. Впрочем, принц точно так же высказывал полнейшее к герцогу равнодушие, прикрытое маской вежливости и учтивости. Сам же Гайцберг к персонам их высочеств и их свите не проявлял, казалось, ни малейшего интереса; так ли это на самом деле, никто не знал.

А Вета герцога боялась. Боялась до дрожи в коленках, до холодного пота на висках. Казалось бы, нет оснований для страха – она благовоспитанная девочка, ни разу не нарушившая ни одного закона, даже в мыслях не имеющая ничего против короля, короны и закона. Но всякий раз, когда навстречу ей в коридоре попадалась худая фигура в черном камзоле, у Веты леденело внутри, она торопливо приседала в реверансе и спешила проскочить мимо; Гайцберг же кивал с отстраненным видом – скорее всего, он фрейлин вообще не различал. Чего же бояться?

Бог весть, может, племянник был совсем не похож на дядю. Может, он добрый и мягкий, может, он не имеет ника-

кого отношения к делам дяди. Но...

– Нет... – прошептала Вета онемевшими губами. – Не надо...

– Почему? – очень ласково спросил Карел. – Эрик Гайцберг богат, довольно хорош собой... а что старше тебя на десять лет, так это делу не помеха. Я вот тоже старше твоей матери – и ничего, живем. Подумай. Сам герцог принадлежит роду Дювалей, пусть боковая ветвь, пусть дальняя родня, но все же... Шутка ли – с королем породниться! И ничего, что Эрик – только лишь его племянник, все равно – такие женихи на дороге не валяются...

Вета опустила голову. Сказать «Я люблю другого» было невозможно.

– Я не люблю его, – выговорила она с отчаянием. – Я его вообще не знаю!

– Ну и что же? – на редкость терпеливо ответил отец. – Браки не по любви заключаются, а по доброй воле да по выгоде.

Он, казалось, выжидал. Вета молчала.

– Ну, так что же ты? – так же ласково спросил Карел.

– Нет... – тихо прошептала она.

– Не хочешь? – отец вздохнул. – Признаться, я иного ответа и не ждал от тебя, молода еще. Но подумай... Невольить тебя я не стану, сама знаешь. Просто – подумай, ладно?

Вета кивнула с несчастным видом. Как она могла «подумать», если сердце ее навсегда занято? И как она могла при-

знать в этом, если точно известно, что *он* никогда принадлежать ей не будет...

– Нет... – опять прошептала девушка.

– Что ж... – отец поднялся. – Как знаешь, как хочешь. Я неволить не стану, – снова повторил он, – и торопиться нам пока некуда – ты молода. Как решишь, так и будет. Это все, что я хотел тебе сказать.

Он погладил дочь по плечу и вышел, мягко притворив дверь.

* * *

Несколько дней после этого разговора Вета ходила сама не своя. Она ни минуты не раскаивалась в своем решении и не собиралась менять его. Отец больше не спрашивал ни о чем, мать попыталась было завести речь о замужестве, но услышав решительное «Нет», отступилась. Вернувшись во дворец, Вета почувствовала, что боится собственной тени. За каждым поворотом ей мерещился строгий герцог; вот-вот придут по ее душу грозные гвардейцы – а подать сюда эту фрейлину, что смела отказать моему племяннику, мне, самому герцогу! Вета старалась держаться в толпе и ни на шаг не отходила от принцессы, словно надеялась, что малышка Изабель сможет ее защитить. Она кинулась бы в ноги к принцу, если бы могла, или к королеве, если б не боялась, что ее поднимут на смех! Вздрагивала от каждого шороха, невпо-

пад отвечала на обращенные к ней вопросы и все чаще ловила на себе недоумевающий взгляд Изабель.

Но минуло три дня, а арестовывать ее никто не пришел, Гайцберг при случайных встречах по-прежнему вел себя с ней как с пустым местом, и Вета почувствовала, что напряжение слегка отпустило ее. Она даже посмеиваться начала сама над собой – эка дурочка, сватов испугалась. Если так от женихов бегать, просидишь старой девой всю жизнь.

И, как назло, Патрика в эти дни она почти не видела. Принц исчезал по своим делам с самого утра, а вечерами приходил к сестре уже очень поздно, вымотанный и мрачный. Точно так же не видно было и Яна Дейка, и Вета сделала вывод, что пропадают эти двое где-то вместе. Изабель на ее осторожный вопрос, вздохнув, пожала плечами:

– У него свои дела....

Вета уже свыклась с мыслью, что никогда, никогда принц принадлежать ей не будет. Ей достаточно было видеть его каждый день, разговаривать с ним – пусть вполне о невинных вещах – в присутствии даже посторонних, улыбаться ему – пусть даже как друг. Пусть, пусть. Лишь бы он был рядом. И короткий этот ответ окатил ее ледяной водой. В самом деле, у него свои дела... мужские, государственные. Кто она такая, чтобы вмешиваться в них?

В эту ночь она не спала. Уже погасли свечи, уже все затихло во дворце, а она еще долго стояла у окна, кутаясь в шаль. Ей было холодно и спокойно. Все, решено. Надо выбросить

из головы эту дурь. Сегодня, сейчас.

– Он мне не нужен, – сказала Вета вслух и поразилась, как глухо звучит ее голос. – Не нужен. Никогда.

И пролежала, не смыкая глаз, почти до рассвета.

Утром она взглянула на себя в зеркало и удивилась. Ей казалось, что после такой ночи лицо ее должна заливать бледность – как у героинь любимых романов, а глаза будут обязательно «полны роковой тоски». А на нее смотрела все такая же свежая мордашка, и даже на щеках цвел утренний румянец.

Утром принцесса Изабель, таинственно поблескивая глазами, поманила ее за собой. В полутемной гардеробной схватила за руку и оглянулась – не видит ли кто. Глаза принцессы горели огнем возбуждения.

– Вета, я все устроила, – прошептала ей Изабель. – Сегодня после Совета Патрик будет ждать вас в оранжерее. Я сказала ему, что вы хотите сообщить нечто очень важное...

– Какого Совета? – непонимающе спросила Вета. Имя Патрика, как обычно, выбило у нее способность соображать.

– Совет сегодня, – объяснила ей Изабель, как маленькой. – Государственный. Ну, заседание же, Вета, понимаете?

– И что?

– Так вот, Патрик, – терпеливо, почти по складам повторила принцесса, – после заседания будет вас ждать...

– А почему после-то? – Вета почувствовала, что ее несет.

– Потому что он занят, он будет там. А потом вы с ним

поговорите. Ясно?

Фрейлина, наконец, поняла.

– Что? Ох, ваше высочество, – испуганно выговорила Вета. – Зачем?!

– А разве не надо было? – вдруг огорчилась Изабель. – Вы же сами...

Вета опустила голову.

– Боюсь я... – призналась она.

– Да чего боитесь-то? – шепотом возмутилась Изабель. – Что он, съест вас? Да вы же с ним по двадцать раз на дню встречаетесь и разговариваете... чего же бояться? Патрик не кусается, честное слово!

– Да знаю я, – Вета едва сдержала улыбку. – Но...

– Вы хотите мучиться еще Бог знает сколько времени? – сердито спросила принцесса. – В общем, так, дорогая моя. Или вы сегодня же ему все выкладываете, или... на мою помощь больше не рассчитывайте! Мне тоже не очень-то хочется видеть в свите унылые физиономии, а не... – голос строгий, но глаза смеются, и даже капелька вопроса: не обидится ли фрейлина, не слишком ли. – Вам все ясно, Иветта?

– Все, ваше высочество, – вздохнула девушка.

Высокие двери Малой Залы – золоченые, узорные, на них выгравированы львы, птицы и герб дома Дювалей – щит и олень на зеленом поле. Все это Вета в совершенстве изучила за те полчаса, что пряталась в смежной с Залой Совета ком-

нате, ожидая принца.

Комната эта была проходной, и обычно здесь то и дело сновали слуги с подносами, придворные, советники, солдаты всех мастей и министры короля, и все они могли бы окинуть взглядом растрепанную фрейлину с красными пятнами на щеках и как минимум поинтересоваться, что она тут делает. Но сегодня здесь ни души. Как же... идет заседание Государственного Совета. Совета? Какого Совета? Какой может быть Совет, если сегодня она признается в любви?

Порядочной девушке вообще-то следовало бы опоздать на свидание в назначенное место, а не слоняться уныло под дверью, ожидая, когда его высочество соизволит обратить на нее внимание. Но Вета уже решила, что сегодня она непорядочная девушка. Горели и страшно чесались ладони, немели губы. Как жаль, что на ней это лиловое платье, оно ей совершенно не идет, руки торчат, как палки. Гораздо лучше было бы надеть то новое, розовое с кремовым. В нем она бы чувствовала себя увереннее. И волосы у нее причесаны не так, как надо бы, просто уложены косы вокруг головы. Ах, какая досада! И корсет для розового можно было бы затянуть не так туго, ей ведь совсем нечем дышать... и новый веер – подарок мамы – подошел бы гораздо лучше.

Она в сотый раз пыталась представить себе, что и в какой последовательности скажет принцу, сбивалась на первом же слове и, наконец, махнула рукой. Какая уж теперь разница...

Минуты текли потихоньку, но из соседней залы не слыш-

но было ни шагов, ни грохота отодвигаемых стульев, а между тем Совет заседал уже часа два, если не более. Мельком Вета подумала, а не ушли ли они через другой выход, и тихонько подкралась к двери, приложила ухо к замочной скважине. Нет... кажется, там кто-то говорит...

Она отскочила, как ошпаренная, потому что высокие створы, ведущие в коридор, распахнулись, и в комнату заглянула Изабель. Увидела Вету – и удивилась.

– Вы здесь! А я думала, вы в оранжерее, Вета...

– Боюсь упустить... – прошептала Вета.

– Что, Патрик все еще не выходил?

Вета молча кивнула.

Вслед за принцессой в комнату просочились несколько фрейлин.

– Ваше высочество, – протянула Роза фон Стейк, – пойдете играть в салочки?

Изабель отмахнулась с досадой, на цыпочках подошла и самым непозволительным образом изогнулась, прикладывая ухо к замочной скважине.

– Закройте меня, – прошептала она тихонько, и фрейлины поспешили отгородить от посторонних взглядов столь неподобающую картину. Вета пригнулась вместе с ней. Кто-то – кажется, Анна Лувье – невежливо хихикнул, Изабель сердито замахала на них рукой.

За дверью слышался негромкий – не разобрать слов – голос, принадлежащий, кажется, принцу. Он говорил спокой-

но, размеренно и довольно долго. У Веты затекла шея, она выпрямилась. Последовавшая за тем пауза взорвалась множеством гневных возгласов, негодующим шумом. Изабель и Вета переглянулись.

В общем возмущенном хоре отчетливо выделялся хриплый, громкий голос герцога Гайцберга и еще один, девушки так и не смогли разобрать, чей именно – этот словно оправдывался, визгливо и негодующе, почти срываясь. Наконец, все перекрыл густой бас короля – и голоса, словно по команде, смолкли.

Загремели отодвигаемые стулья, послышались шаги. А что, если он уйдет через другой вход? Девушки едва успели отскочить – дверь открылась, Патрик направился было к выходу, но остановился, увидев сестру. Лицо его осталось напряженным и замкнутым, но глаза потеплели. Тихонько выдохнув сквозь сжатые зубы, он кивком ответил на реверансы фрейлин.

– Что случилось? – подбежала к брату Изабель. – Вы так кричали, что...

– Его Величество сейчас в гневе, – с нервным смешком сообщил Патрик. – Ты к нему пока не подходи – неприятностей не оберешься.

Высокие створы снова с треском распахнулись, король крупными шагами направился к выходу из комнаты. На пороге оглянулся, не останавливаясь, бросил резко:

– Принц, вы мне нужны. Следуйте за мной.

– Чего и следовало ожидать, – пожал плечами Патрик и, осторожно отстранив с дороги Изабель, послушно пошел вслед за отцом.

Изабель с тревогой посмотрела ему вслед.

– Ваше высочество, – подал голос кто-то из фрейлин – новенькая, видно, не знает еще, что в эти минуты принцессе лучше не перечить. – Ну пойдемте же играть в салочки? Это ведь мужские дела, верно?

Изабель вспыхнула и обернулась, ища глазами говорившую. Хотела что-то сказать, но махнула рукой и стремительно выбежала вслед за отцом и братом.

– Ну вот, – уныло протянула Маргарита. – Поиграли...

Компания разбрелась.

Вете очень хотелось расплакаться от досады и обиды. Собралась, дура, объясниться в удачный момент... напридумывала себе невесть что. Так тебе и надо, не будешь бегать за кем не следует.

Очень захотелось забиться в укромный уголок, спрятаться от чужих взглядов. Опять казалось ей, что все, совершенно все знают и смеются над ней – эта вот недотепа решила принцу в любви объясниться. Чужие взгляды обжигали лицо. Вета выпрямилась и подняла голову. Если они хотят увидеть ее слезы, то пусть не рассчитывают.

Уехать бы домой, вот прямо сейчас уехать! Нет, нельзя. Мама встревожится, не заболела ли она... да и ее высочество вряд ли обрадуется исчезновению фрейлины. Забрать-

ся в укромный уголок, спрятаться с вышивкой? Тошно. В оранжерею забиться, в привычный уют ее обид и слез? Нет, лучше уйти в библиотеку, спрятаться в пыльном мире древних фолиантов. Там никто искать ее не станет, и запрета на посещение библиотеки для фрейлин нет, можно будет отговориться... ну и что, что глаза красные! Ее высочество поймет, а все остальные... это не их дело.

Проскользнув в библиотеку, Вета тихонько притворила за собой тяжелую дверь, отрезавшую ее от всего мира. Вот так.

Придерживая юбки, девушка пошла вдоль полок, наклонив голову, читая потертые буквы на корешках и прикидывая, что бы выбрать такое. Слезы подступали к горлу, мешали видеть и дышать. Она дошла до последнего ряда, едва протиснувшись в своем кринолине в узкое пространство меж стеной и последней полкой, когда грохнула входная дверь, слышались шаги и голоса. Вета мгновенно узнала рассерженный бас короля Карла и звенящий, напряженный тенор принца. И замерла, затаилась, загнав слезы крупным глотком в глубину. Совершенно очевидно, они продолжали начатый спор.

– И все равно я скажу, что вы не правы, отец, – говорил Патрик. – Увеличивать налоги сейчас – безумие, если мы не хотим добиться народного бунта на свою голову...

Вета затаила дыхание. Выйти сейчас и признаться в своем присутствии было невозможно. Но и подслушивать – нехорошо. Что же делать? Она притаилась, стараясь не шевелить-

ся, чтобы не выдать себя шорохом тяжелых юбок, дыханием и стуком каблуков. Как назло, зачесался нос, и захотелось чихнуть. Вета отчаянно потеряла переносицу.

– Я боюсь, что бунта на свою голову добьешься ты, Патрик, – сердито отвечал король, швыряя на первый попавшийся стул парадную мантию. – Садись, здесь мы можем поговорить нормально. Уф... жарко... И не знаю, как насчет народного, но мой гнев на твою голову падет, это я тебе обещаю.

Под весом короля заскрипело массивное кресло.

– Отец, я уже не маленький мальчик, – вспыхнув, выпалил Патрик, отойдя к окну. – И уж если я обязан участвовать в заседаниях этого Совета, то...

– ... то совершенно не обязательно высказывать напрямик все, что ты думаешь! – мрачно перебил его король. – Когда ты поймешь, наконец, что искусство дипломата – не в том, чтобы переть напролом, даже если ты прав, а в том, чтобы убедить большинство встать на свою сторону...

– Прибегая при этом ко лжи? – хмыкнул Патрик. – Очень хорошее искусство, ничего не скажешь. Делая вид, что не замечаешь, как из государственного кармана крадутся сотни тысяч?

– Как ты смел, – загремел король, вскакивая, – нет, как ты смел обвинять Стейфа в воровстве?! Он тебе кто – ребенок, чтобы выставять его перед всеми...

– Отец, – тихо и очень ровно сказал Патрик. – Я – его – не – выставлял. Я высказал не домыслы и не эмоции – я

высказал факты. Я могу доказать каждое свое слово! Вот, смотрите...

Он бросил на стоявший у окна маленький столик кипу свитков.

– Что там еще... сядь, не стой столбом, – Карл снова опустился в кресло, зашелестел листами.

На некоторое время в библиотеке воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом свитков и недовольным хмыканием короля.

– Черт знает что! – Карл отшвырнул от себя листы, вскочил и грузно зашагал вдоль полок взад-вперед. – Где ты это откопал?

Принц пожал плечами.

– Я имею право доступа ко всем документам, сир. Кроме того, рано или поздно кто-нибудь – не я, так вы, например – все равно натолкнлись бы на них. Удивляет только, почему до сих пор никому не пришло в голову сложить одно с другим...

– Черт знает что, – повторил король и, развернувшись в последний раз, остановился. – Сам додумался?

– Мама помогала, – насмешливо пробормотал Патрик.

– Не дерзить! – крикнул Карл, но тут же остыл. – Ладно... Это действительно... ни в какие ворота не лезет. Назначим комиссию, придется начать расследование...

– Я прав? – тихо спросил принц.

– Да прав, прав... О черт! По всему, я бы сказал тебе спа-

сибо, принц, но... но сколько же головной боли ты мне прибавил! – Король вздохнул – и вдруг выругался, да так, что Патрик тихонько присвистнул, а Вета за полками чуть кипучую книгу не выронила. – Но почему ты сразу ко мне не пришел? Зачем тебе понадобился этот скандал?

– Я говорил вам, отец, – отозвался Патрик. – Тогда, в октябре, я твердил вам об этом, но вы не стали меня слушать, и я не думал...

– А должен был думать! – вне себя заорал король. – Должен! Ты принц, ты мой наследник, ты должен думать о таких вещах! Говорил он, видите ли! Значит, должен был сказать еще раз, тысячу раз все перепроверить и только тогда... Да ты хоть понимаешь, что ты натворил сейчас, а? Ведь за Стейфом стоит вся торговля, вся! Теперь они станут торговать тайно, везти большинство товаров контрабандой, потому что поймут – через королевскую казну им не будет прибыли. Теперь мне нужно будет искать другого министра, потому что оставить это вот так я тоже не смогу, а новый министр – это новые связи, новые... черт побери, новое воровство! Патрик, объясни мне, чего ты добьешься такими разоблачениями?

– Как это чего? – удивился Патрик. – Ваше Величество, вы хотите, чтобы казну растащили по карманам такие вот Стейфы? Чтобы народ не доверял своему королю оттого только, что королевские министры – взяточники и воры?

– Ох, сын, – вздохнул Карл. – Ты думаешь, я не знаю, что

они крадут? Знаю прекрасно. Но знаю и то, что другого министра финансов мне быстро не найти, и новый будет красть точно так же, как и старый. Все они из одного теста сделаны. Но Стейф, по крайней мере, знает свое дело, и при нем нет такой чехарды с закупкой льна, как было при... эээ... Доменсе, кажется. И это мне важнее всего. Пусть он набивает мошну, но при этом он делает дело и делает его хорошо. А теперь я обязан буду устранить его от дел, начав расследование, и неизвестно, как скоро удастся нам найти замену на такую должность. Не будь идиотом, Патрик. Честных ты не найдешь, а если и найдешь, то они окажутся дураками и развалят тебе все в два счета.

– Нет, – упрямо покачал головой Патрик. – Простите, Ваше Величество, но... я не согласен с вами.

– Ладно, – грустно сказал король, – будем надеяться, что ты поумнеешь к тому моменту, как... черт возьми, принц, как же я оставлю тебе корону, если ты так и будешь лезть на рожон, а? Да ведь ты за два дня страну развалишь...

– Вы не верите мне, отец? – тихо спросил принц.

Повисла долгая, мучительная пауза.

– Не знаю, – отозвался, наконец, король. – Я боюсь за тебя, Патрик. С твоим характером... с твоей честностью дурачкой... ты не удержишь трон, ты рискуешь.

– Отец, вы несправедливы, – так же тихо, но яростно выговорил Патрик. – Вы же сами учили меня чести и честности... умению отвечать за свои поступки...

– Не всякие поступки стоят того, чтобы за них отвечать, – перебил его король, шагая взад-вперед по комнате. – Вернее, не так – не все нужно совершать, даже и неся за это ответственность. Многие делать просто не стоит – тогда и отвечать за это не придется. Монарх не имеет права на ошибки, понимаешь? Потому что за его ошибки платить приходится слишком высокой ценой. Если это настоящий правитель, конечно. Жаль, что приходится объяснять тебе очевидные вещи так поздно, но... Я думал, ты усвоишь это гораздо раньше.

Король помолчал.

– Пойми же ты, – сказал он намного мягче, – дело вовсе не в том, насколько я – лично я – тебе верю или не верю. Я-то как раз знаю, что ты хочешь как лучше. Но поверят ли тебе все остальные? Я боюсь за тебя... Номинальный король, а не фактический правитель, пешка на троне – это не та фигура, которой я хотел бы видеть тебя, сын.

– Но...

– Не думай, что мне все нравится и все устраивает, что я не вижу и не знаю того, о чем говоришь мне сейчас ты. Но та точка критического равновесия, в которой мы находимся сейчас... подумай над моими словами.

Снова заскрипели половицы, хлопнула входная дверь. Вета не решалась выглянуть из своего убежища. Как много можно узнать, оказавшись в нужное время в ненужном месте. Патрик молча стоял, опустив руки, и грустно смотрел

отцу вслед.

* * *

Князь Орувер, представитель его величества короля Элалии Йорека, прибыл в Лерану еще в начале апреля и рассчитывал решить все необходимые вопросы за неделю, не больше. Однако минула уже вторая неделя, а князь все еще не мог добиться желаемых результатов. Переговоры зашли в тупик, и выхода из тупика Орувер не видел, потому что возвращаться назад с тем, что предлагала Элалии Лерана, не представлялось возможным.

«Спор о ничейных землях» тянулся меж соседями уже много лет. Главный предмет спора – провинция Сьерра – несколько сотен миль неплодородных, но богатых лесами и полезными ископаемыми земель – являлась камнем преткновения со времен Последней войны. Когда-то граница пролегла ровно по середине провинции – по реке; еще раньше Сьерра была самостоятельным государством, попросившимся под руку Лераны около полутора сотен лет назад. Во время Великого Мора прапрадед нынешнего короля не смог удержать провинцию в своих руках, и часть ее отошла к Элалии – ровно до тех пор, пока в Последней войне Его Величество Карл Первый мечом не получил эти земли обратно. Тогда Элалии не оставалось ничего, кроме как согласиться – ослабленная войной, почти нищая, страна не могла прокор-

мить даже сама себя. Минуло шестьдесят лет, и спор вспыхнул снова.

Орувер, человек в высшей степени выдержанный, умеющий добиваться своего, порой не мог сдержать зубовного скрежета. Дело, казавшееся пустяковым, затянулось. Карл стоял на своем и не собирался уступать ни мили. Элалии – степной, безлесной – эти леса нужны были, как воздух. Но почему так жалась уступить их Лерана, если больше половины ее территории занимал лес? Чего ради стоило держаться за этот клочок земли? – спрашивал себя князь. Сначала маячила было призрачная надежда на то, что удастся выиграть спор в будущем; но, посмотрев на столь же твердую позицию принца – пусть еще пока и не наследного, – Орувер подумал, что и с этой надеждой тоже придется расстаться.

Свита князя состояла из людей проверенных, на которых Орувер мог положиться, как на самих себя. Но герцогиня Анна фон Тьерри – о, как она действовала князю на нервы! Независимая, хитрая, умеющая выводить из себя одними лишь намеками и недомолвками, добивающаяся своего подчас невероятными способами – эту очень красивую и очень умную женщину король Йорек ценил и отправлял в такие места, где не могли добиться своего самые искусные дипломаты. Анна фон Тьерри всегда умела получать желаемое. Такой человек и был им теперь нужен.

Но именно сейчас герцогиня, казалось, потеряла к делу всякий интерес. С выражением нетерпеливой скуки на лице

выслушивала она затяжные споры, не вставляла ни слова ни за, ни против; едва заканчивались переговоры, исчезала... куда? Что это было – хитрый маневр или отказ от работы? Орувер знал Анну уже больше пяти лет и привык, в принципе, ко всему – логика герцогини непонятна была никому, кроме нее самой. Но чтобы вот так, откровенно пренебрегать своими обязанностями – это было впервые.

Орувер не знал, чего и каким способом должна была добиться от Лераны Анна. Йорек беседовал с ней перед отъездом сам, и о разговоре этом она никому не рассказывала. Вполне допускал князь и то, что посольство Анне нужно лишь для прикрытия, что цель у нее другая, а вот какая? И он молчал, выжидая...

Анну фон Тьерри, по наблюдениям князя, во дворце Лераны вполне уважали и как будто – сначала – побаивались. Сначала. А потом что-то изменилось. Король обращался к ней все так же церемонно-дружелюбно, но за учтивостью королевы неожиданно стала проскальзывать насмешка. Маленькая принцесса, по молодости лет не умевшая полностью скрывать свои чувства, порой сердито фыркала. Собственно, Оруверу не было никакого дела, но он откровенно забавлялся, глядя на сердитую, взъерошенную, словно птичка, Изабель, так откровенно за что-то невзлюбившую герцогиню. Он бы не обратил на это внимания, но поползли слухи: фон Тьерри равнодушна к наследному принцу. Сам Патрик держался с Анной спокойно и вежливо, но часто на лице

его мелькала гримаса не то досады, не то... смущения?

Перехватив однажды взгляд, который бросила герцогиня на принца, Орувер рассмеялся в душе. Все стало ясно.

Он и сам знал, как соблазняют зрелые женщины молодых мальчиков, и наблюдать за этим каждый раз было довольно забавно. Но чтобы вот так, в открытую, на глазах у всех... Нет, герцогиня не выходила за рамки приличия; речи ее и поведение оставались вполне сдержанными, но взгляды, а иногда и жесты... Орувера забавляло смущение Патрика, который, кажется, все понимал прекрасно – и не знал порой, куда деваться от этих откровенных знаков внимания. Мало принцу восторженных фрейлин, думал иногда князь, почти сочувствуя молодому человеку. Как, интересно, ты выкрутишься, мальчик – герцогиня и не таких щенков, как ты, прибирала к рукам. Интересно только – ей зачем-то это нужно или фон Тьерри и вправду увлечена?

Орувер уважал верность принца своей невесте, но не сомневался, что рано или поздно, если не так, то иначе, но Анна своего добьется.

Вечер выдался дождливым и ненастным, но к полуночи небо очистилось, проглянула луна. Патрик долго стоял у обрыва, глядя вниз, на текущие струи реки и улыбаясь. Завтра... завтра придет она.

Сегодня мессир Эжер в фехтовальном зале их совершенно загонял. Ян был нынче в ударе, как никогда, каждое его

движение получалось необыкновенно точным и четким, и принц едва успевал брать защиты и отражать его хитроумные финты. Сам же Патрик, против обыкновения, витал мыслями далеко. Завтра, завтра приезжает она – Эвелина. Какая, к черту, атака, какие переводы и выпады, если он часы и минуты считает до встречи с ней? До помолвки остается два дня. Он и сюда-то пришел лишь в надежде, что фехтование поможет ему отвлечься; не помогло – да так, что Эжер, поглядывая на него укоризненно, наконец не выдержал:

– Ваше высочество, да что с вами сегодня? Простейшие уколы пропускаете... Соберитесь! Моя наука не терпит витания в облаках, это вам не танцы.

Ян все понимал. Ян поглядывал на друга добродушно и сочувственно. В какой-то момент он пропустил совершенно детский перевод принца, и Патрик вдруг очнулся – ему показалось, что виконт поддается. Разозлившись, он кинулся в атаку уже по-настоящему.

Когда бой закончился, Патрик вытер мокрый лоб, довольно улыбаясь. Ноги дрожали, но в голове заметно просветлело. По обычаю он пожал руку противнику – и очень тихо проговорил:

– Спасибо...

Ян понимающе подмигнул.

Патрик надеялся, что сейчас доберется до своих покоев – и свалится спать. Так проще пережить долгие часы ожидания. Бог весть, когда ее высочество приедет; не задержала ли

ее дорога, не утомила ли? Верно, утром они достигнут столицы... а если нет? А если нынешний дождь размыл дорогу и тем самым задержит ее? Нет, спать, спать, не тревожиться, о ней есть кому позаботиться.

Но усталость куда-то совершенно пропала. Поняв, что заснуть сейчас все равно не удастся, Патрик решительно вышел из комнаты. Найти Яна? Нет, не стоит, лучше побыть одному. Он выскочил в парк и спустился к реке. Взошел месяц. Парк, залитый бледным светом, изменил привычные очертания, все казалось нереальным. Эта луна светит сейчас и ей. Патрик долго-долго стоял, запрокинув голову, глядя в небо, по которому, гонимые весенним ветром, неслись быстрые облака.

А когда возвращался обратно, то уже в галерее, ведущей от библиотеки к его комнате, понял, что не один.

Женщина стояла у окна, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Пальцы ее сжимали узорную ручку рамы, и вся фигура, поза, осанка – не прямая и жесткая, как обычно, а словно обмякшая – выражали такое отчаяние, что принц не смог, не сумел пройти мимо...

–

Мадам? – окликнул негромко Патрик, останавливаясь рядом. – В такой поздний час... одна... что случилось?

–

Ничего особенного, – тихо ответила Анна фон Тьерри, не поворачиваясь. Лунный свет омывал ее тонкую фигуру, ис-

крился в пушистых рыжих волосах, казавшихся серебряными при ночном освещении. – Не спится...

Их голоса гулким эхом разносились по пустому коридору. Было, должно быть, далеко за полночь.

–

Ваше высочество, – так же вполголоса сказала герцогиня, оборачиваясь и протягивая ему руку, – вы не откажетесь немного поговорить со мной? Раз уж мы столкнулись здесь, – она усмехнулась, – то, наверное, не случайно...

–

Пойдемте куда-нибудь, – вздохнув, так же негромко предложил Патрик. Спать ему совершенно не хотелось, остатки усталости выдуло ночным ветром на берегу. Угораздило... Впрочем, если все равно не спать, то отчего бы не побеседовать с умной и наблюдательной женщиной. Будем надеяться, что она не... Впрочем, неважно. – В библиотеку... или, быть может, лучше пойдемте в мой кабинет?

Каблуки их перестукивали, выводя затейливую ночную мелодию. Полные призрачного сияния галереи сменялись темными коридорами, и только слабый свет светильников давал им возможность идти, не спотыкаясь. Ночь – не лучшее время для прогулок в старом дворце, и герцогиня ошутимо вздрагивала – сквозняки, лестницы, неожиданные повороты и ступеньки. Несколько раз принц поддержал женщину под локоть, когда она споткнулась.

В кабинете Патрик отослал слугу. Хотел было зажечь по-

больше свечей, но фон Тьерри жестом остановила его – не надо.

– Вы замерзли, – полуутвердительно проговорил он. – Может быть, вина?

Фон Тьерри молча кивнула.

Из небольшого шкафчика в глубине комнаты Патрик достал пузатую бутылку и два бокала; густая рубиновая жидкость заискрилась в свете свечей. Указал герцогине на большое, обитое бархатом кресло в углу, сам опустился на стул возле стола. Желтоватый неровный язычок пламени потрескивал, оплывая воском, выхватывая из темноты то бокалы, полные тягучего вина, то мерцание глаз, то волосы сидящих друг напротив друга.

Какое-то время они молчали. Герцогиня с любопытством обводила глазами комнату. Большая, наверняка светлая – сейчас в полутьме неясно, обставлена строго и просто. Окна – высокие, с округлым верхом – выходят на запад, и сквозь ветви клонившихся к подоконнику тополей виден еще светлый край горизонта. Легкие, прозрачные занавеси шевелятся от сквозняка; ни одной мрачной ноты, и что-то неуловимое витает в воздухе – что-то, позволяющее безошибочно определить, что эта комната принадлежит именно принцу – и никому более.

И всюду – характерный мальчишеский беспорядок; на столе навалены кучей свитки, книги, валяются в беспорядке перья, боком стоит чернильница, и прямо здесь же, поверх

бумаг – кинжал с узорчатой рукоятью, в изукрашенных рубинами ножнах. На стенах висят шпаги и пистолеты, в одном углу кучей свалены деревяшки непонятного назначения; на стуле с изящной резной спинкой спит огромный полосатый кот – зверь даже не пошевелился, когда хозяин осторожно переложил его себе на колени, только ухом дернул недовольно.

–

Через неделю мы уезжаем, – все так же тихо сказала фон Тьерри, прихлебывая сладкое вино. – Жаль...

Принц откинулся на спинку стула и чуть прикрыл глаза. Тишина плотным покрывалом окутывала комнату, сквозь стекло падали на пол серебряные лучи.

–

Жаль, – повторил он и добавил полуутвердительно-полувопросительно: – Вам здесь хорошо...

–

Хорошо, – согласилась герцогиня.

Патрик улыбнулся:

–

Несмотря на то, что князь так и не добился того, чего хотел?

Женщина поморщилась.

–

Ваше высочество, прошу – давайте сегодня не будем ни о делах, ни о политике. В бессонницу, – она вздохнула, – хо-

чется говорить о другом. Хочется кричать в голос, особенно если ночи так хороши, как сегодняшняя. Хочется... пить.

Патрик, все так же улыбаясь, снова наполнил ее бокал, протянул. Тонкие пальцы сомкнулись на старинном хрустале. Анна фон Тьерри взглянула на него и проговорила глухо, очень серьезно:

–

Мне очень хочется напиться сегодня. Вы... вы не будете презирать меня за такие признания, ваше высочество? Женщина не должна даже знать о таких вещах, не то что... хотеть. Мне хочется напиться в дым, в стельку, как сапожник. Валяться под столом и ничего не помнить. Вы шокированы?

–

Продолжайте, – тихо сказал Патрик.

–

Напиться так, чтобы ни о чем не думать. В полнолуние мне плохо. Мне очень плохо сегодня, ваше высочество. Приходит тоска. Тяжелая, черная тоска, похожая на яму, из которой не выбраться. Наверное, я оборотень, – она засмеялась невесело и посмотрела на него: – Простите... ваше высочество. Мне, наверное, нужно просто выговориться...

–

Продолжайте, – так же тихо повторил Патрик. – Вас что-то мучает?

–

Меня мучает то, что жизнь уходит, – резко проговорила

Анна. – Вот прямо так, тупо и банально – уходит. Вы молоды, вам не понять этого, слава Богу... да и не надо пока. Сейчас я оглядываюсь назад, перебираю в памяти события прошлого, и мне кажется, что все это было не со мной, совсем не со мной. Молодость, замужество... короткое и недолгое. Я стала вдовой в девятнадцать лет, а замужем была даже меньше года. Хвала богам, у нас нет этих дурацких ваших законов о том, что женщины не наследуют, не занимаются делами и все прочее. Я сама могла строить свою жизнь – благо средства позволяли. Моему покойному супругу следует сказать спасибо хотя бы за то, что не оставил меня в нищете, а уж имеющееся состояние я смогла приумножить. Но... разве дело только в этом?

–

А в чем же? – так же тихо проговорил Патрик, не двигаясь.

–

Если бы я знала! О, если бы я знала! Мне сорок два года, большая часть уже прожита, а я так и не знаю, зачем я жила, для чего или для кого... Приходит утро, все эти вопросы отодвигаются в тень, но остаются, все равно остаются с тобой, и в полнолуние... вновь выходят, и я опять не сплю... Вы спросите меня сейчас, чего я хочу от жизни? А я не знаю! Не знаю, не знаю! Может, и знала когда-то давно, а теперь забыла. У меня есть все. Все! Деньги, положение в обществе, связи, репутация... внешность, наконец. А внутри – пусто. Совсем. Как в пустыне. Я все могу... ну, или почти

все. И ничего не хочу. Раньше было наоборот, и я считала себя несчастливой... а теперь понимаю, как же я тогда ошибалась!

Анна быстро захмелела – теперь уже видно было, как лихорадочно сверкают ее глаза; она говорила быстро, торопливо, чуть невнятно, полуприкрыв глаза и словно не глядя на того, кто сидит перед ней. Патрик слушал молча, стараясь держаться очень спокойно, боясь прервать этот поток пугающих откровений. Что это было – воздействие вина, очередная выходка экзальтированной женщины? Или отчаяние, копившееся и скрывавшееся под маской благополучия и очарования, отчаяние существа, много лет копившего все в себе и теперь выплескивавшего почти чужому человеку, словно случайному попутчику?

–

Я многого добилась за эти годы, очень многого, ваше высочество, вы даже не представляете, сколь многого... Король поручает мне такие дела, которые... с которыми не могут справиться мужчины. И я выполняю их. Мне даже удовольствие доставляет – это так возбуждает, щекочет нервы, эта игра на краю, на лезвии бритвы. Ни разу, ни разу не было у меня провалов, а неудач – только две за десять лет, только две! Вы думаете, зря наше величество... чтоб его, – Анна выругалась жестко, по-мужски, – прислал меня сюда? О, я принесу Элалии столько пользы, сколько не способен сделать даже наш князь-интриган... хоть он и умен, как черт!

Однако есть вещи, мужчинам недоступные... А мне надоело это все, надоело! – крикнула она. – Мне надоело быть игрушкой в чужих руках, выполнять чужие приказы, даже если мне от этого прямая выгода. Почему-то никому не приходит в голову спросить – а чего же я сама хочу? А я – женщина, я любви хочу, обыкновенной любви, которая не за что-то, а просто так, которую последняя пастушка получает от мужа, а у меня мужа нет. Мне дарят украшения и земли, доверяют золото и тайны, но никто, совсем никто не догадался подарить мне цветы – не ради корысти, а просто так, как женщине, как любимой. А я тюльпаны люблю, тюльпаны, такие вот простые цветы, совсем простонародные, правда?

Она невесело засмеялась и умолкла. В два глотка осушила бокал и поставила его на стол с резким звоном.

Не поднимаясь, принц налил еще вина, но герцогиня замахала руками:

–

Ваше высочество, не нужно больше! Иначе... иначе я не удержусь и буду пить, пока... пока не опьянею настолько, что... что это станет уже неприличным.

Патрик мягко улыбнулся:

–

В крайнем случае, я донесу вас на руках до вашей комнаты, мадам. Можете располагать мной...

–

В крайнем случае? – резко и хрипло проговорила Анна. –

А без крайнего случая? Вот просто так, ни от чего – вы способны донести меня на руках до моей комнаты?

Глаза ее поблескивали в мешающемся свете свечи и луны.

–

Если вам будет нужно, – так же мягко ответил принц. – Вы всегда можете располагать мной, – повторил он.

Герцогиня опустила голову.

–

Как измельчали нынешние мужчины, – проговорила она в пространство, словно самой себе. – Теперь никому в голову не придет совершить ради женщины – Поступок. Такой, чтобы все ахнули. Мой дед когда-то завоевал сердце моей бабки тем, что на руках прошел по карнизу замка, обойдя его трижды. Мой отец прыгнул с высокой скалы в море – ради того, чтобы поймать взгляд моей матери. А теперь... «если вам будет нужно», – невесело усмехнулась она. – Да, нам это нужно! Нам нужно, чтобы наши мужчины сами делали выбор, а не ждали, пока за них это сделает женщина. Рисковали бы жизнью, черт побери! Сражались на дуэлях, завоевывали города, скакали на белых конях...

–

Если вам будет угодно, – с легкой улыбкой проговорил Патрик, – то белый конь найдется в конюшне хоть сейчас...

Герцогиня подняла голову и посмотрела на него.

–

Ваше высочество... могу я задать вам один вопрос?

Он кивнул.

—

Скажите... вы счастливы?

Очень серьезно, не удивляясь вопросу, Патрик подумал.

—

Да, — сказал он. — Счастлив, несомненно. Но вы же понимаете, мадам, что полное и абсолютное счастье возможно лишь на краткие мгновения? Иначе людям просто стало бы скучно жить. Так вот, таких кратких мгновений в моей жизни очень много... гораздо больше, чем всяких иных.

—

И вы не хотели бы ничего изменить?

—

Н-не знаю, — неуверенно ответил принц. — Наверное, хотел бы... много что хотел бы. Но... — он улыбнулся, — это уже та самая политика, о которой сегодня не нужно...

—

А вот я несчастна, — с тихим вздохом призналась Анна. — Иногда так хочется бежать от всего этого, что-то делать, что-то изменить... но что? И как? Не знаю. Хоть пираткой стать, хоть... хоть бродячей актеркой. Солнце, ветер, дорога — и свобода.

—

Так что же мешает? — засмеялся принц. — Пираткой не советую, а вот бродячей актеркой — хоть завтра... Я вам даже фургон найду, а играть на арфе вы умеете.

Она улыбнулась тоже.

—

Своим оптимизмом вы способны разогнать самую черную тоску, ваше высочество. Я подумаю над вашим предложением. А вы... не составите мне компанию? — поддразнила она.

—

Я подумаю, — так же серьезно ответил Патрик. — Если меня все окончательно достанет, я буду знать, к кому обращаться...

Анна засмеялась — заливисто, звонко, так, словно овладевшее ей веселье душило ее изнутри. Она смеялась, раскачиваясь в кресле, а потом смех ее перешел в сдавленный кашель, в нем прорвались рыдания. Сгорбившись, женщина закрыла лицо ладонями. Патрик вскочил, быстро распахнул окно, налил воды в опустевший бокал. У него не было опыта утешения женщин в истерике, но он часто успокаивал плачущих сестер. Опустился рядом с Анной на ручку кресла, тихонько обнял ее, погладил по рыжим волосам, нашептывая вполголоса успокаивающие слова. Герцогиня вцепилась в его руки — пальцы ее похожи были на железные тиски, и замерла, вздрагивая от слез.

Сколько-то времени прошло... сколько? Лунный луч на полу переместился к стене, в раскрытое окно потянуло прохладой. Женщина вздохнула, ослабила хватку, попыталась высвободиться. Патрик отстранился, пошевелил затекшими руками. Камзол на груди принца стал мокрым от ее слез, на

щеке герцогини отпечатался узор от его пуговиц.

–

Простите меня, ваше высочество, – глухо проговорила Анна, залпом выпивая воду. – Я... не должна была так вести себя... с вами...

–

Полно, мадам, – очень ласково и устало ответил принц. – Вы всегда можете рассчитывать на меня...

–

Простите... Это все луна. Больше такого не повторится... Анна сделала шаг к двери.

–

Я провожу вас, – сказал Патрик, поднимаясь.

–

Не надо! Пока еще я в состоянии дойти до своей комнаты сама. Простите, принц... И – спасибо вам.

Рванулась штора от влетевшего в открытую дверь сквозняка, гулко простучали по коридору каблуки. В комнате остался слабый аромат духов – цветочных, терпких.

* * *

Он наступил, наконец, этот день – сияющий, майский, которого во дворце так ждали. Ждали – кто с нетерпением, как малышка Изабель, кто с деловитой радостью, как Его Величество, а кто и со страхом – потому что надо все отчистить,

надраить, сделать, выскоблить и приготовить, и суматоха, и всегда кто-то что-то забудет. Со стороны могло показаться, что единственный, кто оставался спокоен, – это виновник торжества. Казалось, принца не трогал ни сам факт совершеннолетия, ни пышный праздник по этому поводу, ни всеобщие хлопоты и ожидания – ничего, кроме принцессы Эвелины.

Бал был великолепен настолько, что Вета, уже привыкшая за восемь месяцев дворцовой жизни к праздникам, не могла сдержать восхищения. Она и сама не знала, что так действовало на нее – то ли выпитое искристое шампанское, то ли музыканты играли нынче как-то по-особенному, то ли просто майский вечер был особенно хорош. Не только молодежь веселилась вовсю, но даже дамы и кавалеры вполне зрелые смеялись, шутили, с охотой играли в фанты и беззаботно радовались, глядя на молодых.

Огромная бальная зала не казалась тесной от толпы гостей, но иногда приходилось чуть ли не пробивать себе дорогу локтями. Высокие стрельчатые окна распахнули настежь в первый же час, но жар от свечей и дыхания заставлял дам усиленно работать веерами. Слуги с прохладительными напитками сновали там и тут без усталости, похожие на деловитых паучков в своих серых ливреях.

Король с королевой открывали полонез, и не одна Вета от души восхищалась этой парой. Стройная, тонкая, надменная Вирджиния едва ли не превосходила ростом царственного

супруга, но его величество Карл Третий казался рядом с этой хрупкой красотой величественным мужем, сильным в делах и решениях. Темные локоны королевы покачивались в такт музыке, холодное сияние серых глаз оттенялось радушной улыбкой рыжебородого короля.

Разумянившаяся Изабель, которую в первые же минуты поспешил пригласить кто-то из иностранных гостей, совершенно очаровала своего кавалера. Долговязый, нескладный, хоть и одетый по последней моде юнец был, похоже, в полном восторге от своей дамы и в па де грас даже устроил пуганицу в фигурах, чтобы не разлучаться с ней. Юная принцесса сияла улыбкой, взорами, ямочками на щеках – во всем облике ее сквозила беспечная молодость и радость жизни. То и дело Изабель искала глазами брата, и в бросаемых на нее принцем взглядах читалось откровенное ласковое обожание.

Впрочем, Патрик более увлечен был своей дамой, нежели сестрой. Ее высочество принцесса Эвелина, уже почти невеста, не отходила от принца. Вета с горечью видела, как осторожно и бережно Патрик ведет Эвелину на место после очередного танца, как склоняется к ней, улыбаясь, какой любовью светятся его глаза... сомнений не оставалось – Патрик влюблен, и, судя по всему, влюблен взаимно. Иностранная гостья тоже не обращала внимания на остальных, хотя когда Патрик – приличия ради – приглашал на танец кого-то из дам, у нее отбоя не было от кавалеров. С выражением нетер-

пеливой скуки Эвелина исполняла все фигуры танца и, едва вернувшись на место, нетерпеливо вертела веер, ища глазами принца. Сегодня должны были объявить их помолвку.

Принц же, как и полагается именинникам, был сегодня хорош необыкновенно и притягивал взоры всех девушек в зале. Белый, расшитый серебряной и голубой нитью парадный костюм очень шел ему, золотые волосы волнами обрамляли разгоревшееся, смеющееся лицо, серые глаза блестели. Вместе с Эвелиной, чье красное платье красиво сочеталось с черными, как смоль, волосами и очень белой кожей принцессы, они составляли на редкость красивую пару, да и танцевали превосходно. На них оглядывались.

Даже герцогиня Анна фон Тьерри обронила в их адрес вполне изящный комплимент, что само по себе было редкостью – эта леди почти никого не хвалила. Рыжеволосая гостя нынче была мрачно-насмешлива, и ее ядовитые реплики заставили погрузнеть даже добродушную Изабель... Впрочем, ненадолго, маленькая принцесса редко умела грустить более пяти минут подряд. Анна фон Тьерри танцевала превосходно, тем не менее, после первых пяти танцев приглашать ее перестали – видимо, мало было желающих выслушивать колкости в свой адрес. В зеленом платье с черной вышивкой, герцогиня отчего-то похожа была на приготовившуюся к прыжку змею, и выражение ее лица вполне тому соответствовало. «Герцогиня разошлась вовсю», – обронил Ян Дейк, а Патрик лишь сочувственно улыбнулся.

Хотя мрачность фон Тьерри словно рукой сняло, когда ее пригласил на менюэт принц. Движения женщины стали изящными и размягченными, и даже выражение лица – не столь едким. Контраст с мрачно сидящей у стены змеей был столь разителен, что заставил Вету задуматься о причинах такой метаморфозы. Выводы, напрашивающиеся сами собой, девушке совершенно не понравились.

Впрочем, за герцогиней Вете наблюдать было некогда. Ее приглашали очень часто, и не приходилось, как раньше, уныло стоять у стены, наблюдая, как руки протягиваются к тем, кто стоит справа или слева – но только не к ней. Видимо, сегодня ей светила добрая звезда. Все было, словно во сне, словно в сказке, и она чувствовала себя почти счастливой.

Колыхался вокруг колен кринолин, легкий ветерок от движений множества танцующих пар шевелил порой локоны на висках; серебряные нити удерживали пепельные волосы в высокой прическе. Платье глубокого цвета морской волны красиво оттеняло разом позеленевшие глаза, и сегодня Вета казалась не просто хорошенькой, но почти красивой. Изящная серебряно-изумрудная вышивка – виноградная ветвь – обвивала вырез, спускалась по левому боку. Широкие, легкие рукава-воланы сползали к локтям в менюэте, и было в этом что-то невообразимо притягательное и волнующее – эти неторопливые переливы ткани сообщали плавность и мягкость движениям девушки. Впервые в жизни Вета почувствовала себя женщиной – ей улыбались, кланялись

и благодарили за танец, Боже, ведь все это бывало в ее жизни и раньше, отчего же именно сегодня – как никогда? Порой она замечала обращенные к ней удивленные взгляды.

Для полного, абсолютного, безграничного счастья не хватало так многого и столь малого. Еще одного взгляда, нескольких слов, произнесенных тем, кто произнести их не хотел и не мог.

Каждые два или три танца перемежались вальсами, которые Вета любила больше всего. У нее никогда не кружилась голова на вращениях, как у очень многих девушек, и вальсы бывали для нее настоящими праздниками – если, конечно, ее на них приглашали. Наконец, совершенно запыхавшись, Вета вынуждена была отказать очередному кавалеру и, поклонившись, отошла к стене.

Сколько веселых, разрумившихся лиц, какие яркие краски! Платья девушек – море шелка и кружев, обнаженные руки и плечи, сверкающие в свете сотен свечей украшения. Громкие выкрики распорядителя – «Есть предложение – в две колонны!», «Кавалеры приглашают дам!», «Фигурный вальс!». Его Величество весело говорит что-то супруге, и королева, вопреки обыкновению, почти улыбается, почти смеется; рядом – герцог Гайцберг – мрачный и молчаливый, словно черное пятно в многоцветье зала. Галантные наклоны головы и стройные фигуры кавалеров; бесшумно и ловко снующие во всех направлениях слуги с подносами, полными прохладительных напитков. Вета взяла один бокал и

с наслаждением выпила густой, шипучий напиток – что это, такое вкусное?

Но глаза ее упрямо искали среди танцующих одну и ту же пару. Вот он, вот он. Лицо светится улыбкой, что-то говорит своей даме, сомкнутые их ладони словно источают нежность и яснее взглядов и слов поют о любви. Счастливы, всем видно, насколько счастливы эти двое...

Померкла радость. А чего же ты хотела, на что надеялась? Все ведь было ясно с самого начала... Вета почувствовала, как тяжелой грустью наполняется ее сердце. И разозлилась на себя. В самом деле, портить себе праздник – из-за чего? Она вскинула голову. Пусть потом ей будет плохо, но сейчас – ни за что! Вета ослепительно улыбнулась – и присела в реверансе перед подошедшим к ней Марком де Воллем. Контрданс...

Потом Изабель объявила игру в ручеек. Хохочущие пары, проскальзывающие под «крышами» из сплетенных рук, заставили Вету на какое-то время позабыть о своих огорчениях. Ей везло – ее кавалеров расхватывали почти моментально, и она то и дело искала себе новую пару, зажмуриваясь от соблазна выбрать принца. И когда вдруг ее запястье обхватила рука Патрика и увлекла за собой, девушка глазам своим не поверила.

Пробираясь сквозь строй вслед за парой Кристиан Крайк – принцесса Изабель, Вета не чувствовала под собой ног. «Крыша» перед ними вдруг резко опустилась, и смеющиесяся

Жанна Боваль и Ян потребовали:

—

Поцелуй!

—

Поцелуй, поцелуй, — закричала соседняя пара.

Вся прелесть игры в ручеек заключалась как раз в таких вот невинных поцелуях, когда в суматохе никто не разберет, кто именно и кого поцеловал; когда парам преграждают путь из чистого озорства; когда то и дело возникающие заторы из трех, а то и четырех пар позволяют украдкой коснуться друг друга губами не один раз, как того требовали правила, а два, три... и порой стоящие «крышей» намеренно преграждают путь, чтобы полюбоваться смущением на раскрасневшихся лицах. А через пару минут те, кто стоял, дожидаясь выбора, уже сами ищут себе пару, и их — в отместку — заставляют останавливаться и целоваться недавние их противники. Смех, суматоха — а потом медленная музыка вальса, и если повезет, ты полминуты кружишься с тем, о ком мечтал, но не смел надеяться...

Вета закрыла глаза и, затаив дыхание, почувствовала на своей щеке легкое прикосновение губ Патрика. И залилась краской, опустила голову и потащила принца дальше, в конец строя. Встав последними, они перевели дыхание и посмотрели друг на друга.

—

Ваше высочество, — выпалила вдруг Вета, холодея от соб-

ственной наглости, – прошу вас, пригласите меня на вальс.

На лице Патрика мелькнуло легкое удивление, но он ответил почти сразу:

–

С удовольствием, Вета... Надеюсь, моя дама отпустит меня.

Следующие за тем польку и два контрданса Вета почти не помнила от волнения. Она почти не надеялась, что принц вспомнит о данном впопыхах обещании, но то и дело искала его глазами. И когда громкий голос распорядителя провозгласил:

–

Вальс «Маргарита»! Кавалеры приглашают дам! – почти испугалась, завидя идущего через весь зал принца.

Она сжала веер в руках. Задрожали колени, и Вета уже жалела о своей просьбе. Как сейчас она выйдет с ним на середину зала, если ноги не слушаются, а на лице, кажется, написано все, о чем она сейчас думает? Внезапно Вету охватила мгновенная злость – и отчаяние. В самом деле, почему только она должна мучиться? Высказать ему все – пусть и ему тоже станет тяжело хоть на мгновение. Достаточно она страдала в одиночку все эти месяцы!

С поклоном протянутая ладонь – и Вета присела в реверансе, поднимая руку на плечо принца. Шепотом отсчитав шесть тактов, Патрик увлек ее в круг.

Принц танцевал очень хорошо, но теснота и толкотня за-

ставляли его лавировать, чтобы избежать столкновения с другими парами. Он прижимал девушку к себе, и от его прикосновений Вета теряла голову; ладонь, лежащая на ее талии, обжигала даже сквозь ткань платья. По бальному этикету кавалер обязан был развлекать даму легкой, ни к чему не обязывающей беседой, но Патрик, вопреки обыкновению, молчал. Он улыбался, но глаза его смотрели словно куда-то сквозь стену и оставались странно хмурыми и напряженными.

—

Ваше высочество... — окликнула Вета, наконец.

—

Простите ради Бога, задумался, — очнулся Патрик и виновато взглянул на нее. — Вета, уже второй раз в общении с вами я проявляю себя невежей...

«Помнит», — подумала Вета с ликованием. И — решилась.

—

Ваше высочество, — торопливо проговорила она, словно бросаясь в холодную воду. — Мне необходимо поговорить с вами без свидетелей.

—

Я к вашим услугам, — откликнулся Патрик чуть удивленно. — Завтра или в любой другой день...

—

Могли бы мы поговорить сегодня? — краснея, спросила Вета, понимая, что нарушает все мыслимые и немыслимые

правила.

Принц на мгновение задумался.

–

Было бы невежливым оставлять гостей, – сказал он, наконец. – Но если это очень важно...

–

Очень, – выдохнула она.

Патрик помолчал.

–

После бала – пир, и на нем я должен присутствовать – сегодня отец объявит о наследовании, там обязательный долгий ритуал, да и помолвка... Но перед пиром у меня будет свободные полчаса. Вам хватит этого времени?

–

Да, – кивнула Вета.

–

Тогда давайте встретимся...

–

В беседке, – торопливо подсказала Вета. – Той, что у фонтана, в дальней части парка. Там нам никто не помешает.

Видно было, что принц не в восторге от этой мысли, но он согласился.

–

Я заинтригован, Вета, – сказал он, улыбаясь. – Что же такое вы хотели бы мне сообщить?

Вета растерялась, но, по счастью, музыка смолкла, танец

кончился.

Принц довел Вету до ее места, поклонился и торопливо пошел к другому концу зала, посматривая по сторонам. Вета с грустью смотрела ему вслед. К ее удивлению, Патрик искал вовсе не Эвелину. Он тронул за плечо виконта Дейка, и они заговорили о чем-то, то и дело оглядываясь, словно боясь, не подслушает ли кто-то их разговор.

Вета прижала пальцы к пылающим щекам. Вот и все, отступать некуда. Еще немного, и она скажет ему все. И пусть будет, что будет.

Из открытых высоких окон еще доносились звуки музыки, когда Вета тихонько вышла из дворца черным ходом и побежала по дорожкам сада. Ей нужно было подумать.

Она скажет ему... что она скажет? «Ваше высочество, я вас люблю» – так, что ли? Ну, и ответит принц: «Я очень рад...» или как там еще... «но не могу ответить вам взаимностью». И останется она – дура дурой. И хорошо еще, если не попросят ее после этого из свиты, потому что кому нужна фрейлина, которая бежит за принцем?

Вета вдруг почувствовала такую усталость, что ей стало уже все равно. Она скажет все... а дальше пусть решает мужчина. Как он скажет – так и будет. Пусть даже... она покраснела и сама себя застыдилась... и на это она согласна. В конце концов, с чего она взяла, что принц ответит ей именно так?

Но ведь он влюблен в Эвелину... Это видно, видно...

«Дура», – сказал ей внутренний голос. «У него таких, как ты... Вспомни хотя бы, как смотрит на него герцогиня фон Тьерри...»

При мысли о герцогине Вета опалила волна жаркого стыда. Неужели сама она со стороны выглядит так же смешно и жалко? Герцогине уже лет сорок, а она охотится за молодым... Нет, когда Вета станет такой же старой, она...

Вета остановилась и огляделась, поняв, что в раздумьях своих вышла куда-то явно не туда. Лунный свет заливал тропинки, но фонтана, у которого стояла беседка, поблизости не наблюдалось. Ночь сделала знакомые аллеи парка неузнаваемыми. Куда же она забрела?

Вета тронула рукой ствол высокой сосны. Налетевший ветер качнул ветви, на девушку посыпались капли. Был дождь? Надо же, она и не заметила. Вета запрокинула голову. Какое высокое, черное небо! И звезды на нем – словно наклеенные на черный бархат. Вот так стоять бы и стоять... Она поежилась. Хорошо-то хорошо, а прохладно, зачем она не взяла с собой плащ? Начало мая – не июнь, ночи еще холодны.

Вета повернулась и пошла по дорожке, надеясь, что та куда-нибудь да выведет. Наверное, бал уже кончился, музыки не слышно, и вполне возможно, что принц уже ждет ее у беседки. Где же она находится?

Впереди мелькнули черные тени, и Вета поняла, что вышла к дворцовой ограде. Она опять огляделась. В стороне

смутно белела чья-то фигура. Вета пошла туда, надеясь, что сможет спросить дорогу... вот смеху-то будет – фрейлина ночью в саду заблудилась! Но другого выхода нет, ей нужно поторапливаться.

Фигура стояла, не двигаясь, и, приблизившись, девушка поняла, что это статуя. Статуя «Купальщица»... и узнав ее, Вета мгновенно поняла, где находится. До беседки с фонтаном совсем близко, и будет еще ближе, если она пойдет не по тропинке, а срежет путь по траве, напрямик.

Мокрая после дождя трава хлестнула по ногам, но Вета не остановилась. Пройти, нагнувшись, под этими огромными елями – и она увидит заветную беседку. Наклонившись, девушка нырнула в густые заросли.

Когда впереди блеснул свет и послышался шелест воды, бьющей из фонтана, Вета перевела дыхание. Тесный корсет немилосердно впивался в ребра. Нужно отряхнуть платье... хороший же будет у нее вид! Вета подняла голову – и сквозь просвет в ветвях увидела на скамье в беседке высокий светлый силуэт. Он уже здесь!

Дрожащими ладонями Вета пригладила волосы, обтерла мокрое лицо. Вот будет умора – фрейлина, вылезая из кустов. Нужно чуть-чуть попятиться, выйти из-под елей чуть в стороне и, в конце концов, прийти к беседке, как и предполагается, по тропинке, чинно, не торопясь. Но, услышав мужской голос, не принадлежавший принцу, девушка поняла, что Патрик здесь не один, у входа в беседку стоит, облоко-

тившись на перила, Ян Дейк.

– ... и даже если и так, то мы ничего не докажем. Он объяснит все государственной необходимостью, а мы останемся в дураках, – закончил Ян.

– Все это очень странно, – проговорил после паузы Патрик, и голос его был усталым и озабоченным. – Завтра же утром я поговорю, наконец, с отцом.

– Принц, – задумчиво сказал Ян, – а что если мы ошибаемся? Что, если это просто подозрения, ни на чем не основанные? И мы и сами будем выглядеть дураками, и очерним в глазах Его Величества множество ни в чем не повинных людей.

– Это герцог-то не повинный? – усмехнулся Патрик. – Ну-ну... Впрочем, ладно, – он встал, потянулся и сделал несколько шагов от беседки к аллее. – Янек, не пора ли тебе уходить? Хотя что-то она не идет...

– Дама имеет право опоздать на свидание... – фыркнул Ян.

Патрик тоже засмеялся.

– Интересно, что Вете понадобилось от меня, да еще так таинственно?

– Боже мой, принц, да все ясно, как белый день. Если дама назначает свидание, да еще и таинственно, то держу пари – она хочет тебе объясниться.

– Да ну уж, – усомнился Патрик. – Вета не такая...

– Принц, – назидательно сказал Ян, – все женщины на све-

те одинаковы, поверьте мне...

– Тебе, известному ловеласу, – хмыкнул Патрик, – как не поверить! Однако мне будет очень жаль, если ты прав...

– Почему? – удивился Ян.

– Видишь ли... Вета – очень чистая и порядочная девушка. Счастлив будет тот, кому она откроет свое сердце, и дважды счастлив тот, кто станет ее мужем. Но...

– Вы не любите ее, принц, – закончил Ян.

– Да, увы. Я уважаю ее как человека, как друга, как... как умную женщину, но... понимаешь, акцент на слове «умную», а не на слове «женщину». Боюсь, что именно женщину я не увижу в ней никогда.

– Сомневаюсь, чтобы вообще кто-то увидел, – заявил Ян. – Она же страшная, как...

– Янек, ты неправ, – мягко сказал принц. – Она еще почти ребенок, и вполне может статься, что через год-два расцветет. Вспомни, какой страшенькой была Жанна Боваль...

– Н-ну... – неопределенно протянул Ян. – В Жанне, по крайней мере, темперамент есть. А тут – мышка. Да, нет, и ни тени собственной мысли...

– Это ты с ней на ученые темы не разговаривал, – усмехнулся Патрик. – Там она любого за пояс заткнет...

– А что ей еще остается? – заметил Ян. – С такой-то внешностью... Слушайте, принц, – он огляделся, – по-моему, она уже не придет. Вернемся в зал.

– Да, пожалуй, – Патрик тоже осмотрелся. – Идем. Мне

сегодня нельзя надолго оставлять гостей одних.

Вета дождалась, когда стихли шаги, и выбралась из своего укрытия. Больше всего на свете ей хотелось сейчас вернуть время назад, чтобы не слышать этого разговора и по-прежнему пребывать в счастливом неведении. Правда оказалась слишком горькой, чтобы она могла ее вынести. В горле стоял комок слез, не желавших проливаться, а щеки горели. Не слишком приятно узнать, что думают о тебе мужчины, а, госпожа умница? Боже мой, Боже, бежать отсюда, скорее бежать, спрятаться в доме отца. Вете казалось, что любой, встретившийся ей на пути, сейчас поймет, что она опозорена, что люди будут показывать на нее пальцем и кричать: «Вот она, отвергнутая и ославленная», и потому она выбирала самые темные закоулки парка. Задними тропинками пробралась к выходу из замка, забилась внутрь присланной отцом кареты и, наконец, заплакала.

Стуча колесами по ночным улицам, карета везла ее прочь, домой. Вета закрыла глаза, плотнее запахнула плащ. И уже не слышала доносящейся из раскрытых окон дворца музыки, не видела, как мелькали в ярко освещенных окнах тонкие тени...

* * *

Ночь в королевском дворце – не лучшее время для прогулок. Темные, почти не освещенные коридоры полны сквоз-

няков, скрипов, звуков. Шепчутся занавеси, портьеры на высоких окнах, картины на стенах, пламя факелов. Осторожные звуки шагов множатся, множатся, эхо перепутывает их, делает неузнаваемыми. Неверный отсвет светильников бросает тени на лица, делая их то уродливыми, то невообразимо прекрасными; да и то – если лица эти видны из-под надринутых капюшонов и масок. Обрывки фраз приглушены, ночь путает звуки...

– Скорее...

– Осторожнее...

– Вот одежда...

– Где то, что нам нужно?

– Помните – только после сигнала...

– Кто известит?

– Я...

– Только сразу...

– Стража у двери...

– Все в порядке...

– Спешите...

– Не забудьте оставить кинжал...

– Не дурнее вас...

– И помните – он должен вас узнать...

– С Богом...

– Да уж скорее с чертом...

– Тшшшшш....

– Торопитесь...

Тени разбегаются по стенам, луна заглядывает в окна – и испуганно прячется. Звуки шагов, падения, сдавленный вскрик... И опять – тишина...

* * *

Его высочество наследный принц ужасно устал...

Закончился пир, завершилась, наконец, церемония, отгремели голоса и трубы герольдов во славу жениха и невесты, короля нынешнего и короля будущего, разошлись по своим комнатам или разъехались гости. Принцесса Эвелина, переволновавшись, едва смогла досидеть до конца пира и попросила принца проводить ее до отведенных ей покоев сразу после праздника.

Поздравления, лица, имена уже сливались в пестрый хоровод. Патрик пожимал руки, благодарил и улыбался, выслушивал похвалы и пожелания, но делал все это машинально. Притупились эмоции, путались мысли, из всех желаний осталось одно-единственное – добраться до своей опочивальни и лечь. Желательно одному, мелькнула ехидная насмешка. И только рука Эвелины в его руке удерживала его от того, чтобы провалиться в полное безразличие. Словно нарочно, по дороге ему попадалось столько желающих задержать, поговорить о чем-то, поздравить или спросить, что до своих покоев принц добрался кабы не часа через два после того, как проводил Эвелину.

В который раз подумалось, как нелегко отцу. Ему после праздника еще работать. Его Величество словно и не устал ничуть – смеялся, незаметно отдавал приказания, выслушивал реплики министров, рассыпал комплименты дамам – и все это легко и без напряжения. И только Патрик, наверное, видел мелкие капельки пота, выступающие на высоком лбу короля и мог расслышать усталые нотки в его голосе.

Заходя в спальню, Патрик отстраненно подумал, что сейчас вполне сошел бы за пьяного, хотя за весь вечер выпил всего лишь кубок вина. Ноги подкашивались, кружилась голова. Неужели его так умотал один-единственный вечер? Сколько раз бывало – оттанцевав до упаду, потом до утра хохотали где-нибудь в саду или, оседлав коней, неслись вскачь по сонным улицам, пугая редких прохожих. И пили – уж никак не один кубок. И сил хватало на все, и даже если вовсе не спать – утром казалось, что и не было ничего. С чего ж сегодня он так устал?

Впрочем, какая разница... До утра еще есть время... упасть на кровать – и...

Душно. Патрик рванул оконную раму, распахнул створки. Ворвавшийся сквозняк перевернул бумаги, разбросал по столу. Патрик торопливо подхватил листы... придавить бы чем-то... кинжалом, что ли, – где-то здесь он лежал... Принц пошарил по столу.

Что за черт? Куда он мог положить оружие – так, чтобы не найти потом? Оставил где-то и не заметил? Наваждение

какое-то...

Патрик помотал головой. Да что ж такое, в самом деле, отчего ему так плохо сегодня?

Негромкий стук в дверь вывел его из ступора.

– Ваше высочество, – голос слуги тих и вкрадчив, – вас желает видеть Его Величество...

– Когда? – спросил Патрик, не открывая двери.

– Немедленно, ваше высочество...

Интересно, что отцу понадобилось среди ночи, да еще и так срочно? Уходя, принц предложил было отцу свою помощь, но король посмотрел на сына, засмеялся – и отпустил его до утра. Патрик пригладил волосы, застегнул ворот.

Шаги его эхом отзывались в пустом коридоре. У двери в отцовский кабинет, как обычно, стоял караул, но гвардейцы были ему незнакомы. Наверное, мимоходом подумал Патрик, новобранцы.

Принц постучал и, не дождавшись ответа, отворил высокую дубовую дверь.

– Ваше Величество, вы звали меня? – спросил он, входя.

Ответа не последовало.

В кабинете горела всего одна свеча. Король сидел у стола, навалившись грудью на край, опустив голову на скрещенные на столешнице руки; отодвинутые локтем книги съехали в угол. Видно, сон сморил все-таки, видно, события минувшего дня умотали и его...

– Отец... – позвал принц вполголоса.

Король не шевелился.

Патрик постоял немного. Подойти или выйти тихонько, пусть спит? В полумраке почти ничего нельзя было разглядеть. Он обвел глазами кабинет. И увидел вдруг, что валяются раскрытыми, отброшенные, несколько книг. И опрокинутый кубок поблескивает у ножки стула. И... почему смятые бумаги зажаты в кулаке?

– Отец! – крикнул Патрик, бросаясь к столу. Схватил отца за плечи, попытался приподнять...

Сдавленный крик вырвался у него. Карл смотрел полуприкрытыми глазами куда-то вдаль, а парадный камзол его был липким и темным от крови. И, тускло поблескивая лезвием, полускрытый наброшенным плащом, торчал из груди короля кинжал с узорчатой, изукрашенной рубинами рукоятью.

– Нет! – выдохнул принц, хватаясь за рукоять, не замечая даже, что пачкает кровью руки, рукава, весь камзол. С силой выдернул кинжал из раны и едва успел подхватить отца, завалившегося набок.

За дверью застучали шаги, зазвенели голоса, высокие створки распахнулись. Ворвавшаяся в комнату толпа – слуги, придворные – вбежали в комнату. И остановились на пороге, попяtilись – от дикого, остановившегося взгляда на сумасшедшем, белом, как мел, лице принца.

Всю ночь Вета проплакала в своей постели и лишь к рас-

свету, к моменту возвращения из дворца графа, притворилась спящей. Ей не хотелось видеть никого; ей казалось, что все на свете знают, что случилось с ней в эту ночь. И уж тем более не хотелось видеть лицо отца в ту минуту, когда бы он узнал о том, что его дочь стала предметом насмешек во дворце. Он будет разгневан. Он... словом, Вета не хотела бы выслушивать все те слова, что отец мог бы сказать ей.

Карел Радич очень любил свою дочь. И именно поэтому считал, что должен приложить все усилия к тому, чтобы его дочь выросла человеком редкостных достоинств, а также красоты, ума и так далее. Такие родители обычно говорят «Моя дочь лучше всех», но у Радича это дополнялось словом «должна быть». Моя дочь должна быть лучше всех. Точка.

Волей-неволей Вете приходилось соответствовать. Она любила отца, но так же отчаянно его боялась. Проще было сказать себя больной и провести лишний день в постели, чем признаваться в истинной причине своих слез. А распухшие глаза и красный нос можно объяснить тем, что выскочила на майский ветерок без плаща и заработала простуду.

Слегка удивило Вету, что отец в тот день даже не зашел к ней. Удовлетворился объяснениями прислуги, что барышня больна и почивают, и сразу же прошел к себе. Вне будь Вета так погружена в пучину своего горя, она, несомненно, заметила бы необычную молчаливость отца, и то, что он не зашел поцеловать ее на ночь, и то, что даже не заглянул, чтобы справиться о том, как она себя чувствует. Прячась в ворохе

простыней от горя и отцовского гнева, радуясь тому, что никто не мешает спокойно рыдать, Вета и не подумала узнавать о причине такого к ней невнимания.

Все разъяснилось на следующий день утром.

Войдя в спальню госпожи, Агнесса, молоденькая служанка и тайная наперсница Веты, поставила на туалетный столик кувшин с водой и, закрыв лицо руками, громко заплакала.

– Что с тобой, Агнесса? – вяло проговорила из глубины кровати Вета. Мысль о том, что сейчас надо будет утешать девочку, в то время как ей самой требовалось утешение, вызвала тоску.

– Господин граф... – дрожащим голосом начала Агнесса... – я разбила чашку, а он...

– Что он? – Вета начала терять терпение.

– Он пригрозил, что уволит меня! – с отчаянием выпалила Агнесса.

– Он пошутил, – меланхолично ответила Вета. Господи, ей бы проблемы этой дурочки!

– Не пошутил! – еще громче заплакала Агнесса. – Господин граф сам не свой из-за того, что случилось во дворце, и потому придирается к нам...

– А что случилось во дворце? – рассеянно спросила Вета.

Слезы на глазах Агнессы мгновенно высохли. Еще больше, чем плотно покушать, она обожала рассказывать сплетни.

– Ах да, барышня, вы же не знаете! А мне рассказала ку-

харка Гирзов, она в дружбе с дворцовым поваром, а он слышал от слуг...

– Говори ты по делу! – рассердилась Вета, выныривая из своей сладкой обиды. – Что стряслось-то?

– Ну как же, ведь короля убили! – сказала Агнесса, явно наслаждаясь своей ролью.

Вета подпрыгнула на кровати.

– Как – убили?! – выпалила она. – Когда я уезжала из дворца, Его Величество был жив и здоров...

– Говорят, – Агнесса понизила голос, – что это принц... Вечером, после пира, он пришел к Его Величеству, и они вроде поссорились, и принц ударил короля кинжалом, и пытался скрыться, но его поймали прямо там же, на месте. И теперь принц – в Башне, а....

– Как – в Башне?! – Вета вскочила. – Но... о Господи!

Призыв к Господу не помешал ей схватить корсет и с лихорадочной быстротой начать его на себя натягивать. Но Агнесса остудила пыл своей госпожи:

– Господин граф приказал вас сегодня из дома не выпускать. В городе волнения... и матушка ваша тоже дома остались...

Не слушая причитаний служанки, Вета велела девочке зашнуровать корсет, едва дождалась, пока та наденет на нее платье, и кинулась по лестнице вниз. И натолкнулась на мать, которая подтвердила: да, Карел запретил им выходить из дома. Нет, он только что отбыл во дворец. Вернется вечером и

сам все расскажет.

До вечера Вета то металась по своей маленькой комнате, кусая пальцы и бросаясь к окну при малейшем шуме, то молилась вслух. Время утратило свой обычный ход и то летело огромными скачками, то тянулось необычайно медленно. Что же не идет отец? Что случилось... о, почему она была такой дурой и убежала в ту ночь, почему не осталась вместе с принцем? Патрик не мог, не мог этого сделать. Зачем ему, если он сам сказал недавно: «Дал бы Господь побольше здоровья моему батюшке... совершенно не тянет царствовать... станешь королем – уже не удрать на охоту в свое удовольствие». Правда, сказал он это в шутку, но...

Граф Радич вернулся домой поздно вечером, совершенно измученный. Во дворце все гудит, сказал он. Вчера вечером, когда закончился пир и гости либо разъехались, либо разошлись по своим комнатам, из покоев короля донесся крик. Когда придворные вбежали туда, они обнаружили принца, с кинжалом в руках и в окровавленном камзоле, склонившегося над телом Его Величества. Слава Богу, рана не столь опасна, как могло бы быть, – очевидно, король сопротивлялся и лезвие не задело ни легкого, ни сердца. В комнате видны были следы борьбы. Карл приходил в сознание всего один раз и ненадолго, но успел рассказать, что вызвал его высочество к себе по неотложному делу, потом углубился в работу и не сразу заметил приход принца. Внезапно тот напал на него, и король, от неожиданности растерявшись, не успел

оказать должного сопротивления. Сам Патрик утверждает, что он не делал этого, но, к счастью, Его Величество хорошо помнит все, что с ним произошло. Сейчас король все еще без сознания, хотя лекари говорят, что для жизни опасности нет, и возле его комнаты установлен строгий караул. Королева в слезах заперлась в своих покоях и не показывается. Граф подтвердил, что Патрик арестован и обвиняется в покушении на жизнь короля. Малышка Изабель в слезах бежит по дворцу и кричит, что это колдовство, и ее брат невиновен и не мог совершить столь чудовищное злодеяние.

– Во всем дворце, – сказал Карел, – кажется, остался единственный разумный человек – герцог Гайцберг.

– А... а принц? – дрожащим голосом спросила Вета. – Что с ним будет?

Граф пожал плечами.

– Пока неизвестно. Если докажут, что это действительно он, то... ну, Вета, тебе ли объяснять!

Вета похолодела.

– Кто же теперь занимается делами? – спросила Милена Радич. Она была прагматичной женщиной и думала о делах земных. – Король ранен, принц арестован... что же вы будете делать?

– Пока – Государственный совет, – пожал плечами граф. – Его возглавляет герцог ...

– Этот сыч! – не выдержала Вета. – Ему дай волю – он закроет театры и наоткрывает тюрем, – повторила она слова

Патрика.

– Вета, – нахмурился граф, – это совершенно не твое дело. Ты больна – ступай к себе. Лишнее волнение не пойдет тебе на пользу. И не переживай, скоро все разъяснится.

Грохнув дверью, Вета вбежала в свою комнату. Она швырнула на туалетный столик носовой платок, упала на кровать и залилась слезами.

* * *

– ... таким образом, ваше высочество, у нас к вам только один вопрос. Зачем вы это сделали?

– О Господи, – с досадой сказал Патрик. – Сколько раз повторять вам – я не виновен!

– Ваше высочество, мы не спрашиваем вас о наличии вины. Вам был задан вопрос: зачем вы устроили покушение на особу короля?

– Я этого не делал.

– Вы понимаете вопрос, принц? Делали – не делали, речь не о том. Вопрос – зачем?

– Я этого не делал.

– Кому еще вы высказывали свои намерения?

– Какие именно?

– Намерения в покушении на жизнь короля.

– Не было у меня таких намерений.

– Кому?

– Никому.

– Иными словами, вы утверждаете, что спланировали все в одиночку?

– Я ничего не планировал.

– Хорошо, спрошу по-другому. Кто из вашего окружения был в курсе ваших планов?

– Никто не был, я...

– Значит, в одиночку.

– Да нет же! Вы ставите под сомнения честное слово принца?

– Кстати, насчет честности... Ваше высочество, взгляните на этот документ. Вы подтверждаете, что это ваш почерк?

– Да... кажется, мой. Что это?

– Ознакомьтесь...

Пауза, шелест страниц.

– Я не писал этого.

– Но почерк – ваш?

Пауза. Тихое:

– Очевидно, да...

– Таким образом, вы требовали у лорда Стейфа определенную сумму взамен на обещание хранить молчание. Следовательно, на Совете вы выступили с разоблачением лишь потому, что не сошлись с ним в цене?

– Это неправда...

– Вот, значит, какова цена вашей хваленой честности, принц?

– Это неправда.

– Вы признаете почерк?

– ...

– Этот документ был предъявлен трем вашим сторонникам, и они узнали вашу руку.

– Кому именно?!

– Сейчас это не имеет значения. Итак, мы вправе сомневаться в вашей искренности, принц. Но вернемся к покушению...

Возвращаясь с допросов, он метался по комнате, пока, совсем не обессилев, не падал на кровать. Он то кружил по крошечному свободному пятаку, как зверь в клетке, то вцеплялся в прутья решетки, чтобы справиться с накатывавшими поочередно приступами отчаяния, равнодушия или надежды. Пытался молиться – слова не шли, с губ срывалось только отчаянное «Почему?!».

Его считают виновным, это совершенно очевидно. Им не нужно доказательств – все и так ясно. Они хотят узнать лишь – зачем он это сделал? Глупость какая... зачем ему убивать отца, если все и так ясно, если имя наследника – названо, и вопрос трона – лишь вопрос времени. Неужели они не понимают этого? Или он сам так глуп, и то, что очевидно для него, совсем не так ясно для всех остальных?

Что думает по этому поводу сам отец? Патрик умолял о свидании с королем уже вторую неделю, но – нельзя, Его Ве-

личество не встает с постели. Рана столь глубока? Тогда, в кабинете, он не успел ничего понять, он не успел даже осознать, почему на него кинулись, заламывая руки, не стал защищаться. До сих пор не укладывалось в голове – кинжал, торчащий из плеча отца, тяжелое тело в его руках, полуприкрытые, почти неживые глаза...

Его считают виновным, его застали на месте преступления. За покушение на особу королевской крови – смертная казнь, почти наверняка. Дай Бог, чтобы лишь ему одному, чтобы они не решили, что это – заговор, не стали хватать остальных. Если такое случится, первым наверняка пострадает Ян Дейк, кому ж еще мог его высочество поверять свои замыслы, как не самому близкому другу? Обойди его этой чашей, Боже...

Порой Патрик ловил себя на том, что хочется жить – позвериному остро, до желания грызть решетку и выть в голос. Порой становилось все равно. Иногда накатывало жгучее желание умереть прямо сейчас – до суда, успеть до обвинения; таким страшным казался весь этот маскарад. Но нет, нельзя, нельзя, он должен жить – может быть, удастся оправдаться. Обвинение слишком немыслимое, чтобы покорно и молча принять его.

А иногда эмоции отступали, и голова начинала работать ясно и холодно. Думай, принц, думай. Кто мог напасть на короля? Кому и зачем это нужно?

Все зависит от того, что решит король.

Если бы увидеться с отцом... О, если увидеть его, хотя бы удостовериться, что он жив, поправляется, с ним все будет хорошо. На настойчивые вопросы принца о здоровье короля ответом обычно бывало уклончивое: «Его Величество поправляется...» Насколько серьезна рана? Каждую ночь Патрик шептал молитвы во здравие ныне царствующего монарха, уже почти не веря тому, что говорит.

С ним обращались холодно, но вежливо. Принц не знал, так ли обходятся со всеми арестованными; правда, Башня – узилище для благородных, вполне возможно, что манеры здешних стражей чуточку получше. Комната его была сухой и чистой, еда – с королевской кухни, но в том ли дело? На вопросы о том, что творится снаружи, естественно, не отвечали. Лишь однажды пожилой конвоир успел шепнуть, что с ним не раз добивались свидания. Значит, друзья верят ему и что-то пытаются сделать. А может быть, это Изабель? Или королева? Свидания запрещены, и нет никаких сношений с внешним миром.

Один допрос был особенно мучительным. Со дня ареста Патрик держался холодно и спокойно, отвечал на вопросы вежливо и по возможности логично и четко. В глазах конвойных, лорда Марча, ведущего допросы, и офицера, присутствовавшего почти на каждом, мелькало уважение, и вопросы задавались в том же сухом, вежливом тоне.

Но в этот раз принц почувствовал, что вот-вот сорвется. В комнате было невыносимо душно, а скрип сапог офицера

давил на уши, вызывая чувство дурноты. Вопросы повторялись и казались липкими и грязными, как старая тряпка. Ему протянули опросные листы, исписанные неразборчивым почерком.

– Ознакомьтесь, ваше высочество. Это показания одного из ваших сторонников, и они ясно говорят о том, что...

Принц впился глазами в листы. Замелькали слова, но он не смог разобрать их смысла – что-то случилось с глазами, буквы двоились, расплывались. Внизу – ударило в висок – крупные, четкие буквы подписи: «Виконт Ян Рауль Дейк» – и дата. Ян тоже арестован?

Стены, решетка на окне, лица вокруг – все слилось в стремительно несущуюся карусель, листы выпали из ослабевших пальцев. Патрик попытался вскочить и закричать, что это неправда, но из пересохшего горла вырвался лишь сдавленный хрип. Медленно, медленно он осел на пол, потеряв сознание.

Очнувшись, в первый момент принц не понял, где находится. Тихо, темно вокруг, и только сдавленные всхлипы слышатся совсем рядом. Патрик пошевелился. Тупо гудела голова и тяжело было дышать, руки и ноги не слушались, словно ватные.

– Кто здесь? – позвал принц, пытаясь открыть глаза.

И почувствовал, как лица его коснулось чье-то горячее дыхание.

– Мальчик мой...

– Матушка, – позвал он, подымаясь на локте и чувствуя, как бухает сердце. – Это вы?

Это и в самом деле была она, королева. Она стояла на коленях у его постели, и по щекам ее ползли слезы.

– Мальчик мой... сынок...

– Мама... – он уткнулся лицом в ее ладони, стараясь сдержать подступившие к горлу рыдания. И услышал:

– Как же ты мог, сыночек... как же ты мог?

Патрик отстранился.

– Мог – что? – прошептал он. – Матушка...

– Сделать... это... – прошептала королева, с горечью глядя на него. – Ведь это твой отец...

Несколько секунд принц потрясенно смотрел на нее, а потом высвободился и кое-как сел.

– Вы поверили?!

Королева не отвела взгляда.

– Да, – горько сказала она. – Потому что...

– Потому что – что? – тихо спросил сын.

– Потому что... кто еще, кроме тебя, мог там быть?

– Матушка, – закричал Патрик, – что вы говорите, опомнитесь! Я не делал этого! Неужели вы думаете, что я способен убить отца?! Короля, которому приносил присягу? Ваше Величество, что с вами?

– Нет, что с тобой, Патрик? – Вирджиния встала с колен и – прямая и тонкая – смотрела на него. – Ты захотел власти? Да, я понимаю. Отец еще крепок и молод, и ты боялся не

дожить до... ты решил ему помочь, так? Чего тебе не хватало, сын? Денег? У тебя их было вдоволь. Власти? Возможностей? Чего ты добивался этим поступком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.